

БЫКОВ В.А.

ФОРЕВА
ЩОГАНАЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

18+

Всеволод Быков

Форева Щоганай

<https://litres.ru/74381893>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сёганай» – японское слово, которое примерно переводится как «ничего не поделаешь». Автор разоблачает себя и свой мир в своих рассказах про путешествия, музыку, любовь, дружбу, единоборства, взросление и психотропные вещества. Мощная самоирония, глубокие философские моменты, отвязный юмор и нескончаемый экзистенциальный кризис – главные спутники автора и его автобиографической прозы. Сборник рассказов ориентирован на представителей неформальной тусовки: в нём они смогут узнать знакомые места, персонажей, ситуации и культурные отсылки. Приятного чтения!

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Всеволод Быков Форева Щоганай

Глава

Самая молодая религия.

Это был 2019-й год. Тогда на майские праздники выпадало аж пять выходных дней подряд, и я с удовольствием решил свалить с бессмысленной работы в небольшое буддийское приключение. К сожалению, разделить его с невероятно красивой каббалисткой Юлей не получилось. То, как я ей красноречиво описывал автостоп и концептуальный бомжизм – её не особо зацепило. Жаль. Да и про весь этот Буддизм она выразилась весьма неоднозначно: «Так – игрушки. Попытка зайти к Богу с чёрного входа».

Автобус до Воронежа отходил от Павелецкого вокзала вечером и достигал точки назначения рано утром. В пути ничего интересного не произошло, разве что какой-то житель глубинки принял меня за девушку:

– Ой, девушка, а дайте я пройду...

– Пожалуйста, – отвечаю я и поворачиваюсь к нему бородой.

– Ой, йопт! Так ты мужик, оказывается!

Он так удивился моим длинным волосам, как я бы сам удивился, наверное, НЛО или динозавру. Глубинный житель был коренастым, короткостриженным, в кожаном пиджаке. В общем, суровый мужик, которого ни с кем другим никак не спутаешь!

Когда я вышел ранним утром в Воронеже из автобуса – я обалдел. У меня брови сразу покрылись инеем! Весна на тот момент уже вполне успела разгуляться в Москве, и я уезжал в Воронеж с четким ощущением двадцати градусов тепла. А тут, блин, ноль вообще! В более южной-то полосе!

Я собирался ехать через Борисоглебск и Волгоград до Элисты, но случайно доехал до Каменск-Шахтинска.

– В смысле – это не «Е-38»? – удивленно спрашиваю я у водителя грузовика.

– Мы по «М-4» едем. Сейчас уже Каменск-Шахтинск будет.

– Опа...

Идя по рассветным улицам Воронежа и вспоминая всяких классных девчонок, я видно так размышлялся, что начал ловить попутку немного не там. В любом случае, дальнотой оказался прикольным, вполне себе классическим. Беседовали с ним о том, какая херовая у нас страна, какое ужасное правительство и лютые менты. Но зато, какие люди хорошие! Ещё он научил меня кое-какому «дорожному фольклору». Есть такое выражение – «ремонт молотка». Например, в смете можно указать списком: замена покрышки – пять ты-

саяч рублей, сход-развал – десять тысяч рублей и «ремонт молотка», допустим, – три тысячи рублей. Это означает – снять проститутку.

Уже под вечер на повороте в сторону Волгограда я поймал ещё один грузовик. В этот раз водитель оказался внезапным и интересным. Я только успел вскарабкаться в кабину, ни словом не обмолвившись о моей буддийской точке назначения, а он уже, словно увидев меня насквозь, сходу начал рассуждать о деструктивной природе желания:

– Вот захотелось тебе чего-то, а не получается это достать, обрести. И это у тебя сгустком нереализованной энергии в груди сидит и пожирает тебя изнутри! И будет жрать, пока не реализуешь! А желания-то – они сами возникают. Постоянно. Поэтому надо тренировать свой ум!

Дружно перечислив всякие способы тренировки ума, такие как медитация, медитация и, конечно же, медитация, мы начали вспоминать всякие смешные моменты и сериала «Теория большого взрыва». Но даже здесь водитель умудрился оказаться внезапным, вдруг словив постапокалиптический вайб:

– А вот смотри, когда бомбы ядерные ебанут везде, и человечество будет на грани вымирания, то такие люди как Шелдон Купер окажутся самыми бесполезными. Смотри – он может и гениальный ученый, решает сложнейшие уравнения, строит удивительные теории... Но дай ему в руки палку и скажи: «Принеси мяса»! – хуй там! Дай две палки: «По-

жарь мясо»! – хуй там. Даже огня не разведет. Он же нихуя не умеет, безрукий вообще. Все его знания о физике никак не помогут выжить...

Ну и конечно мы, как порядочные мужики, не оставили в стороне тему прекрасных дам:

– Вот у нас всё проще, смотри: если сиськи, лицо и жопа нормальные – значит нормально. А у баб, знаешь, сколько критериев при выборе мужика? Ууу... Дохуя! И смотри ещё какой момент: чем больше у мужика было баб – тем лучше. А у баб всё наоборот – чем меньше у женщины было сексуальных партнёров, тем лучше. Знаешь почему?

– Нет, – совершенно искренне ответил я.

– Вот представь: у бабы было сто мужиков, допустим. И все её выебли. Каждый мужик, ебя её, оставил в ней отпечаток своей генетической информации. И чем больше в женщине этих генетических слоёв, тем меньше у неё способность выдать что-то генетически цельное из себя. Понимаешь? Дети рождаются дебилами, отсталыми, больными, мёртвыми...

– Ничего себе!

Было уже за полночь, и начался ливень. Водитель думал лечь спать, как только доедет до ближайшей стоянки. Я же, заприметив невыразительный дорожный мотель, попросил высадить меня рядом с ним. Свободные номера, к счастью, были, и ночь там стоила всего 500 рублей. Просто отлично! Такое я себе могу позволить. И даже поесть блинов с котле-

тами!

Утром я выяснил, что я где-то посредине между Каменск-Шахтинском и Волгоградом, как, впрочем, и предполагалось. До Волгограда мне поймалась отечественная легковушка с местным деревенским пареньком внутри. На мои рассказы о путешествиях он отвечал только: « Охуеть! Во тебе делать нехуй»! А от Волгограда до самой Элисты мне посчастливилось поймать «Газель» с разговорчивым дагестанцем средних лет внутри.

– Я тебе так скажу – лучше не женись. Жениться раньше надо было, пока ещё молодой был, здоровый. Лет двадцать, двадцать пять – максимум. Пока родители ещё могут как-то помочь чем-то, там, с ребенком посидеть, в школу отвести. Вот я поздно женился – в тридцать. Тяжело. Раньше надо было.

– Мне как-то раз объясняли, почему в мусульманских семьях положено иметь много детей. Это базируется на истории падения Иблиса, когда он считая себя самым лучшим божьим творением, приревновал к Богу, когда тот сотворил человека, назвав его самым совершенным своим творением. Собственно, это затем, чтобы дети не зазнавались. Когда их много, один вырастая, помогает выращивать другого. И так далее. А если ребенок один, то он будет считать, что он самый лучший и весь мир для него.

– Ты знаешь, – немного поразмыслив, ответил водитель, – наверное, это потому что мы гандонами не любим пользо-

ваться. Без них ощущения лучше.

Когда мы уже были на подъезде к Элисте, случилась жёсть. Пока я напряженно пытался вспомнить слово «юрта», а водитель пытался мне в этом помочь, весело выкрикивая всякие другие слова: «Шатёр! Палатка! Вигвам!» – нам дороге вдруг стала перебегать собака. Скорость у нас была около 60 км/ч, поток машин плотный, пространства для манёвра не было. Водитель заметил пёсика в последний момент и что было силы вдал по тормозам. Собака в последний раз взвизгнула и громко хрустнула у нас под колёсами. Минуты две мы с ним были в полном оцепенении от случившегося.

– И не вернёшься уже проверить, оттащить может... Машин много, бля...

– Кошмар... – её последний визг и хруст заиклено проигрывались у меня в голове, – это прямо суровый буддийский урок о скоротечности и мимолётности жизни.

Был уже вечер, и на последнюю маршрутку от Элисты до посёлка Хар-Булук я не успел. Пришлось взять такси за 400 рублей, чтобы быстренько преодолеть двадцать с небольшим километров на восток от столицы. За эти полчаса езды я успел разузнать у таксиста про город, храм и местные яства.

– Бёреги – это пельмени, борцоги – это как пончики, джомба – это чай с молоком. Попробуй всё!

От посёлка Хаар-Булук до моего первого места назначения было идти около 6 км. Посреди голой степи должен был стоять огромный Одинокый Тополь – местная буддийская

святыня. Когда-то давно один очень сильно путешествующий калмык дошёл аж до Тибета. А когда вернулся обратно, то посадил семечко дерева, найденного в Тибете, и оно, вопреки скромным кустикам и обычной траве вокруг, выросло в исполина в три обхвата.

Я шёл в темноте, прислушиваясь к звукам отдалённой грозы, шорохам в кустах и завываниям степного ветра. Периодически мне то тут, то там мерещился силуэт сбитой сегодня собаки. То зависший на фоне просветов неба, то мельтешащий рядом в траве, то преследующий меня со спины. В какой-то момент мне показалось, что я заблудился, и буду так бродить до самого утра, но вдруг уловив звуки хлопающей на ветру ткани, пошёл на них и вскоре вышел к приличному по размерам холму, на вершине которого в окружении белых молитвенных ступ красовался как раз тот самый Одинокый Тополь.

Начинался дождь, приближалась гроза. Ветер неистово трепал сотни молитвенных флагов, примотанных к ветвям исполина. Я решил считать и поставил палатку прямо в центр святыни, рядом с деревом. Сны на священной буддийской земле под раскаты грома – что может быть лучше? Сейчас – ничего. Проснувшись рано утром, настороженно шупаю свои глаза – проверяю, не исцелились ли они случайно. Нет. Всё так же – минус четыре. Походу священные земли так не работают.

В 2018 году я трижды пытался нелегально проникнуть в

Тибет, и трижды был депортирован в один и тот же город – Голмуд. Там в одном из магазинчиков, после того как я купил кирпич пуэра, продавец подарил мне тибетский оберег – узел бесконечности, сплетенный из ярко-красных нитей и заканчивающийся пушистой кисточкой.

– Пусть Боги никогда не оставят без поддержки всех путников с благими намерениями и помогут им достигнуть точки своего назначения! – сказал я и примотал этот самый оберег к перекладине ограды, окружавшей Тополь. Да. Возможно, священные земли работают именно так!

Дойдя до трассы «Р-216», я поймал попутку до Элисты. В Элисте я взял одноместный номер в гостинице «Элиста». В гостинице была столовая, где мне удалось попробовать национальные пельмени и чай. Но случилась странная хрень. Вместе с пельменями и чаем мне принесли кофе. А в кофе плавало сердечко из пены.

– Это что такое? Я такого не заказывал.

– Это вам комплимент вот от той девушки, – улыбнулась мне сотрудница столовой.

Комплимент? Мне? От девушки? Я – чумазый, лохматый, мокрый, в чёрт-те какой одежде и воняю грузовиками. Смотрю на девушку, сделавшую мне кофейный комплимент: аккуратная фигуристая блондинка, почти модельной внешности в строгом деловом костюме. Поймала на себе мой взгляд – ноль эмоций на лице. Кто-то меня здесь явно обманывает! На всякий случай заказал ей кусочек тортика и поспешил в

Обитель Будды Шакьямуни, пока она не закрылась.

Внутри главного храма меня вдруг неожиданно начал ругать какой-то местный прихожанин за то, что я посмел зайти на территорию алтаря:

– Эй! Ты что делаешь?!

– А что? Разглядываю Зеленую Тару...

– Ты верующий или турист?

– Верующий... турист?

– Тебе нельзя здесь быть! Это что такое вообще!? – и он указал на мои белые пушистые шлёпанцы, одетые на босу ногу.

– Так их на входе вообще раздают. В уличной обуви сюда же нельзя.

– Ну, ты! – прихожанин насупился и изобразил максимально злую гримасу, какую можно себе позволить в стенах храма, и фыркая от негодования, ушёл по своим делам.

Приколы на этом не закончились. При храме была лавка со всякими буддийскими товарами. Я долго стоял и не мог понять, что бы такое классное можно увезти отсюда с собой. И когда я понял, это оказалось таким очевидным – книги! «Ламрим»! А именно: «Большое руководство к этапам пути пробуждения» Чжэ Цонкапы в пяти томах.

– Здравсте, а можно у вас вот это пятикнижие приобрести?

– А зачем тебе эти книги?

– Есть нюансы, которые мне непонятны. Особенно ритуальные составляющие.

– Это всё – фигня. Главное – это тренировать свой ум, – женщина средних лет сверлила меня пронзительным взглядом ясных карих глаз.

– Чт... что? – только и смог ответить ей я.

– Не продам, – ответила она спокойно, не выдав вообще никакой эмоции, но по-прежнему сверля меня взглядом.

– А чётки хотя бы можно?

– Чётки – пожалуйста. Выбирай.

Я несколько минут рассматривал, щупал и примерял всякие чётки, и наконец выбрал запястные из темного дерева с двадцатью четырьмя бусинками и какими-то двумя грушеобразными объектами, висевшими на отдельной нити, выходящей из разделительной бусины.

– Интересный выбор, – прокомментировала продавщица.

– Чем же он интересен?

– Да так... – и больше не сказала ни слова.

Новый день наступил так же быстро, как я осознал, что калмыцкие борцоги – это те же самые пончики, только длинные. На это мне понадобилось ровно три штуки этих самых пончиков. Первая попутка, которую я поймал на пути домой, содержала в себе убеждённого дагестанца-мусульманина, и как следствие – очень неожиданный диалог длиной в 300 км.

– А откуда едешь?

– Да вот с Элисты. Со священных буддийских мест.

– А... слышал. Это недавно появилось, лет пятьдесят назад. Такая модная новая религия – Буддизм.

– Пятьдесят? Ещё पहले всех монотеистических религий она появилась.

– А ты буддист что ли?

– Ну да.

– И зачем тебе это?

– За освобождением из цикла перерождений и смертей.

– Чего? Вот смотри: тебе надо у Бога просто попросить, что ты хочешь, и он всё тебе даст.

– Че... Чего?

– А вы, буддисты, у вас там свой бог? Будда, да?

– Будда – это не бог. Это непальский принц Сиддхартха Гаутама, который является эталоном состояния духа и ума и учителем вне времени и пространства.

– А у твоего Будды папа, мама есть?

– Ну... были.

– А как их зовут?

– Я откуда знаю?

– Какой же ты тогда буддист! Не знаешь, как папу и маму Будды звали! Вот мы про Мухаммеда всё знаем – и про папу и про маму, что делал, сколько детей у него было.

– И какой смысл вообще в этом знании?

– Ну смотри: есть книга «Коран», это как бы теория. А есть молитвы, посты, помощь нищим. Это практика. А у вас, буддистов, что?

– Сутры, медитации...

– А помощь нищим?

– У меня ничего нет для них.

– У тебя работа есть?

– Есть, но она обеспечивает мне исключительный минимум. А с нищими – тут ситуация сложнее. Сколько им не помогай, им всё равно как-то придётся отработать свою неблагодарную карму.

– А! Я понял! Вы, буддисты, просто много работать не хотите!

Добрый мусульманин завез меня по пути покушать в придорожное кафе, и пока я довольно чавкал гречкой, он вдруг рассказал, как в лихие девяностые занимался в Волгограде организованным бандитизмом, и что о некоторых поступках он сейчас сильно жалеет.

– Рынки держали. Смотрели, чтобы на рынках только свои торговали. Если кого-то не устраивало, шли разбираться.

Я попытался через прямые и беспардонные вопросы понять, как же устроен этот организованный бандитизм, но мусульманин отвечал как-то уклончиво и нехотя.

– А вы прямо подходили и угрожали людям? Или сразу калечили? Или просто ларёк разносили без лишних слов? А как вообще без спросу мог кто-то на рынок встать и торговать?

– Ну, были и такие. И разговаривать приходилось и угрожать...

На подъезде к Волгограду водитель заметил проститутку на обочине и начал её всячески вслух поносить:

– И не стыдно ей такими вещами заниматься! Зачем так жить! Родителей позорит! А если ещё и ребёнка родит!

– Ну, тут не всё так однозначно. Да, обстоятельства сложились так. Что она сейчас наносит себе огромный вред. Но! Подумайте о тех, кому она смогла помочь. Быть может кто-то сходил с ума от одиночества, похоти, и может то, что этот кто-то выплеснул свои переживания в неё, помогло ему удержаться от свершения какого-нибудь большого зла.

– Хм, – казалось, водитель впервые серьёзно задумался над тем, что я сказал, – добрая ты душа. Надо тебе Ислам принять!

О чём можно разговаривать с незнакомым человеком тринадцать часов подряд? Мне посчастливилось поймать попутку от Волгограда до самой Москвы. И за этот промежуток времени я узнал: как правильно воспитывать дочерей; чем кормить гусей, поросят и уток; как сделать бизнес на абхазских мандаринах; что обязательно брать с собой в суицидальные путешествия (вяленое мясо, нож, термостельки); как точно нельзя падать с третьего этажа спиной на арматурины и многое другое. Славянский мужчина средних лет на Daewoo «Nexia» всячески меня поддерживал в моих чудачковатых идеях и взглядах, не смотря на то, что его идеи и взгляды во многом отличались от моих. Говорил, что найду себе такую же авантюрную женщину и буду покорять с ней моря. И чтобы я всяких мусульман никогда не слушал.

И вот я, перенесенный автостопным волшебством, почти

целую тысячу километров, летел как вольный птиц и приземлился, даже телепортировался, прямо к своему дому в Москве. Чему же научила меня эта непродолжительная, но занятная поездка? Стоит тебе выйти чуть за пределы привычного измерения – и приколы начнут сыпаться на тебя, как облупленная штукатурка на реставратора. Мир высмеивает тебя, мир высмеивает сам себя. И как сказано в древних источниках “самой молодой “ религии: «Тренируй свой ум, ищи приключения, замочи всех демонов, стань офигенным и переродись в высших мирах. Омम्म...».

Секретная техника До-Усёру

2009 год. Иду по институту мимо своей кафедры «Полимеров и переработки ВМС». В достаточно просторном коридоре напротив неё замечаю, как несколько человек отрабатывают удары бамбуковыми мечами – синаями.

Я уже давно просиживал штаны мысль о том, что надо заняться единоборствами, но намерение беспощадно гасилось заботливыми запретами врачей: «Тебе нельзя, у тебя аритмия, живи спокойно, жри таблетки, не выпендривайся». Рассматривая неожиданных мечников, я сразу же подумал – раз это институтская секция, то и справки, разрешающей занятия никто просить, скорее всего, не будет. Раз на что-то официальное и аккредитованное врачи мне справку не выпишут, то надо попробовать это. Я подошёл к ребятам и спросил,

кто у них тренер.

На меня вышел коренастый, слегка полноватый студент кавказской национальности и с легким акцентом ответил:

– Я тренер, что хотел?

– У вас тут секция кэндо? Можно к вам?

– Не только кэндо. Приходи после пар в спортзал. Пообщаемся.

Я пришёл, и мы пообщались. В ходе беседы выяснилось, что он много чего умеет и много чему может научить. Вопрос только в том, готов ли я заниматься, и на чём я хочу сосредоточиться в большей степени.

– Ну, я три года ходил сражаться текстолитовой катаной со всякими ролевиками и толкиенистами. У меня есть парные кинжалы – сáйи. Да, и я не умею бить морды. Вообще, – кое-как срезюмировал я.

– Понятно, значит: меч, кобудо, рукопашка. Научим.

Было бы странно так просто сказать: «Спасибо. До встречи на тренировке», – и уйти. И я сказал тренеру:

– А давай с тобой сразимся на мечях? – предложил я и уловил на себе слегка насмешливые и недоумённые взгляды трёх его учеников, пришедших с ним.

– Давай, – с энтузиазмом ответил тренер, – Готов на острых?

– А есть острые?

– Есть.

– Нет, давай на бамбуковых.

И мы сразились. Первое попадание было за мной – я «подрезал» ему бедро. Но вот все остальные попадания были за ним – по лицу, по рукам, по шее. Когда мне стало понятно, что я проиграл, я остановился. Тренер, хитровато улыбаясь, прокомментировал:

– Ничего, научишься.

Как оказалось, тренировки проходили два раза в неделю. Один раз в спортзале в институте и один раз во двореке школы, находящейся рядом с институтской общагой. Моя первая тренировка проходила как раз на улице. Хотя я и предупредил тренера, что у меня аритмия, он, что мне особенно понравилось, нагружал и гонял меня, не смотря ни на что – по полной.

– Вот тебе первое упражнение с мечем. Называется – «кошка», – и он сделал подшаг с ударом сверху и отшаг с ударом сверху.

Я попробовал повторить. Получилось немного неуклюже.

– Смотри, – начал он поправлять меня, – рубишь ровно по центральной линии и уже, только начав делать отшаг, делаешь замах.

Я попробовал. Вроде получилось как у него.

– Смотри, – продолжил он меня корректировать, – руки держи согнутыми в локтях, кисть не закрепощай. Мизинец и безымянный держат рукоять сильно, средний – средне, указательный и большой – чуть расслабленно.

Я попробовал повторить с его исправлениями. Вроде по-

лучилось получше.

– Кажется, что это очень медленный вариант нанесения удара. Два подряд сверху... – засомневался я.

Тренер продемонстрировал упражнение молниеносно быстро.

– Знаешь, чем отличается ученик от мастера? – спросил он меня.

– Чем?

– Количеством повторений. Мастер повторил один и тот же удар тысячу раз, потом ещё десять тысяч, потом сто тысяч, а потом ещё сто миллионов. Давай – работай!

После того, как я едва приблизился к своей первой тысяче ударов тренер подошёл, чтобы показать мне основы рукопашки.

– Выбери себе дерево, сейчас я покажу тебе, что такое набивка, – и он начал лупить по ближайшему дереву предплечьями то на уровне лица, то на уровне пояса.

Он показал несколько видов блоков руками на разные уровни, внутренних и внешних. Я попробовал повторить их на дереве, максимально ровном, какое было в доступности, но после нескольких ударов предплечьями по нему из меня невольно вырвалось:

– Ай, блядь! Больно, йопт!

– Ха-ха, Всеволод, не ты должен бояться дерева, а дерево должно бояться тебя! – спародировал он китайского мастера из фильма «Убить Билла», – чего, «Убить Билла» что ли не

смотрел?

Примерно к моменту, когда мои предплечья посинели, ободрались и опухли, подошёл тренер и спросил:

– Как у тебя с растяжкой?

– Вроде, плохо.

– Сейчас станет лучше.

Он показал восходящие и нисходящие удары ногами: они наносились прямой ногой по дугообразной траектории внутрь или от себя, и непосредственно были нацелены прямо в голову оппоненту.

– Вон – видишь тот забор? Смотри, от того забора до вон того – сто метров. Туда и обратно. Наносишь восходящие и нисходящие удары, чередуя ноги. Давай!

Когда я сделал эти двести метров ударов, мои ноги превратились в эластичные макароны и предательски дрожали.

– Ты сайи взял? – спросил меня тренер.

– Взял.

Берёшь их сейчас обратным хватом, ну то есть ориентируешь вдоль предплечий, и все блоки, которые ты на дереве отрабатывал, сейчас отрабатываешь на воздухе. Так, используя сайи, ты сможешь блокировать удары меча, посохи, палки.

– Просто в воздухе отрабатывать блоки?

– Да, но ты визуализируй. Считай, что это активная медитация, медитация в движении. Монахи на заднице сидят –

медитируют. Считай, что это пассивная медитация. Но мы – не монахи, мы – войны, и у нас активная медитация.

В конце тренировки я поучаствовал в интересном парном упражнении. Тогда пришло заниматься человек восемь, и мне в партнеры достался Влад – самый юный, но самый габаритный из всех присутствующих.

– Встали напротив друг друга, вросли в землю. Пытаетесь друг друга сдвинуть с места. Ноги отрывать от земли нельзя. Хоть чуть-чуть пятку оторвал – проиграл. Можно толкаться, кусаться, царапаться, бить, хватать за одежду. Главное – сдвинуть или дисбалансировать оппонента. Начали!

После тренировки я узнал у тренера про литературу, где раскрывается философия и принципы пути меча.

– «Бусидо» прочитай. Ещё Миямото Мусаси – «Книга пяти колец». Так же есть хорошая книга его учителя – дзенского монаха Такуана Сохо: «Письма мастера Дзен мастеру фехтования».

Одну из последующих тренировок проводил его брат. Они вместе занимались у одного учителя у себя на Родине – на Кавказе. На тренировке с его братом мы в основном отработывали различные составляющие рукопашного боя.

В университете, между парами, мы мимоходом встретились с тренером и обсудили прошедшую тренировку с его братом.

– Что интересного делали?

– Удары руками – прямые, боковые, апперкоты. По лапам

били. Потом уходы от прямых, нырки от боковых...

– Это уже что-то, рукопашка тебе нужна.

– Как-то это... Появляется понимание, что чем лучше ты владеешь своим телом, как оружием, то тем легче потом к этому телу приделать другое оружие... Там, меч или что...

– Вот именно, тело – это твоё главное оружие. Научись поражать противника без оружия, а потом... Сам уже ведь понял.

– А есть что-нибудь, что поможет как-то уверенней блоки руками ставить? А то, почему-то, через раз срабатывает как надо.

– Макивару сделай, на занятия приноси.

– Это что? Это как?

– Берёшь длинную палку в человеческий рост и на оба конца приделываешь что-нибудь мягкое, сантиметров пятьдесят с каждой стороны. Один человек её держит за середину и бьёт ею другого различными комбинациями ударов. А защищающийся делает блоки – так они очень хорошо нарабатываются.

– Ого!

– И Всеволод! Дома всё повторяй. Вся технику, которую осваиваешь на занятиях – дома усиленно оттачивай! Качество и скорость твоего прогресса зависит от того, сколько ты отработываешь дома. И тетрадь заведи. Записывай и зарисовывай в неё всё – блоки, удары, приёмы. Никому её не показывай. Ты делаешь это для себя.

Время шло, и я тренировался. Я бросил пить сердечные таблетки и не посещал врачей. Я готов был сдохнуть хоть на тренировке. Но это было маловероятно, так как я ощущал себя всё сильнее и сильнее. Мы тренировались на улице и в холод и в дождь. Я постепенно овладевал основами японского фехтования, и меня неизбежно стали интересовать более специфические техники.

– Ты сможешь научить меня Иай-дзюцу? Технике скоростного извлечения меча из ножен с последующим ударом?

– А у тебя меч-то хоть есть? Настоящий.

– Нет.

– И как ты собрался осваивать Иай-дзюцу без меча?

– В душе не ебу.

– Ругаться – неприлично. Не достойно человека, который отдаёт себя искусству жизни через клинок.

– Окей.

– Я могу тебе один из своих мечей отдать за символическую сумму. Только тебе придётся дать имя мечу.

– Хорошо, если я эту символическую сумму потяну, то... Это будет честь для меня.

– Катана, как-никак, уже кровь пила, и обряд очищения я тоже делал. Лучше пусть будет в руках у кого-нибудь из своих внутри школы.

– А зачем мечу давать имя? Чтобы передать ему часть своей энергетики ли что?

– Индивидуальность должна быть как и у тебя, так и у ме-

ча. А меч является Душой война! Ты должен это понимать.

Накануне Нового года в университете проводились какие-то праздничные вещи в актовом зале, и нас – «секцию японского фехтования», попросили сделать пятиминутное показательное выступление.

– Так как кимоно у тебя нет, – сказал мне тренер, – то вся одежда должна быть чёрная: обувь, штаны водолазка или рубашка с длинным рукавом

– У тебя есть уже идея, как оно всё выглядеть будет?

– Мозгую, мозгую... Думаю разыграть несколько сценок боя, то есть парные ситуации провести, типа – самураи против ниндзя. Ох, не люблю я эту показуху...

– Ну да, крестьянское оружие против самурайского меча будет выглядеть здорово!

– Завтра тащи в универ всё, после пар проверим, опробуем.

– И меч тащить? Блин, столько внимания тогда лишнего словлю: «Ой, а это меч-кладенец? Дай поддержать! Сфоткай меня с ним! А им что, прямо голову можно отрубить»? – спародировал я приставучих и назойливых людей женского пола, – бесят, блин.

– Да, бывает такое, знаю!

Наступило какое-то там декабря, и вот мы командой ниндзя-самураев стоим за кулисами и ждём, пока нас объявят. Тренер достал мне где-то белый верх от кимоно. Соответственно я в чёрных спортивных штанах и в этой белой курт-

ке от каратистского кимоно, с сайями заткнутыми за пояс и дредами до плеч выгляжу... неубедительно и по-анимешному. Кто-то посторонний забрёл за кулисы и, увидев меня, спросил:

– А чего это у тебя кимоно без штанов?

Я замешкался с ответом, и тут тренер вступил в диалог, ответив нарочито наигранно и серьёзно:

– Он с Окинавы! Там не носят штаны!

Настало наше время выходить. Мы слушаем, как нас объявляют:

– Под ваши аплодисменты дорогие друзья! поприветствуем театр боевого театрального искусства!

– Чего?! Кто мы?! – удивляюсь я.

– Ясно же ведущему сказали – «Школа японского фехтования». Но как всегда – язык мало отрезать! – комментирует фривольность ведущего тренер.

Сначала парная полуимпровизационная ситуация: тренер нападает на меня со стальной катаной, а я защищаюсь от него сайями, тоже стальными. Мы очень звонко и весело гремели на весь зал. Потом шла демонстрация приёмов самозащиты от ножа: я нападаю различными способами на тренера с затупленным ножом, а он меня разоруживает, швыряет, заламывает. Потом четыре девушки делают синхронно несложное ката с мечом. Потом, кажется, тренер выполнял какое-то сложное и зрелищное ката сам, индивидуально. Всё прошло и выглядело очень даже неплохо.

Нас усадили за отдельный стол и стали кормить тортами, мандаринами и бутербродами. Только что, будучи серьёзным и сосредоточенным бойцом, я напряженно искал способы, чтобы развеяться и подучиться. И я нашёл! Актёрский зал бы весь увешан шариками, которые, по предварительному идентифицированию, были гелиевыми. Я срезал парочку, и взбудораженный азартом эксперимента, поспешил обратно к столу. Соблазняющее посмотрев на сисястую и невысокую Дашу, которая тоже занималась и выступала с нами, я вдохнул в себя где-то полшарика и сказал:

– Здравствуйте, я новый вокалист Rammstein!

Да! У меня получилось! Голос прозвучал высокочастотным, мультяшно и нелепо. Идеальный прикол! Не знаю, что случилось с Дашей, но она долго не могла переносить моего прямого взгляда и начинала ржать. Слово за слово – и мы с ней начали кидаться друг в друга остатками торта (не особо вкусного), наворачивая круги вокруг стола. И вот я стою, с заляпанным тортом лицом и смеюсь всё ещё немного «гелиевым» смехом. Тренер, скептически созерцая всё это действо, между приступами собственного смеха, комментирует:

– Всеволод, ну ты и чабан!

Зима. Минус двадцать. Я и ещё два отчаянных отморозка пришли на тренировку. Чтобы не начать замерзать – бодро занимаемся ножевым боем. Более того, мороз – это отличное обезболивающее. Но к концу тренировки ссадины от ударов резиновых ножей на лице и руках дают о себе знать. Тренер

показывает нам энергетическое упражнение, с помощью которого якобы можно исцелять себя или кого-то ещё. Это уже второй раз, когда дело касается не поражения противника, а касается непосредственно внутренней силы. В первый раз мы делали упражнение тактильной визуализации энергетического шарика между ладонями (спустя много лет я узнал от одной волшебницы, что это база для формирования астрального тела и вообще тренировка ясновидения). И этот шарик вполне себе ощущался.

– Берём, вдыхаем из земли через ноги и выпускаем из солнечного сплетения себе в ладони зелёное облачко, свет, шар, сгусток – визуализируйте, как хотите. Достаём из солнечного сплетения зелёный сгусток энергии и прикладываем его к больному месту. Даём этому себя исцелить. Пробуем! Давайте!

К сожалению, так же хорошо и почти безотказно, как тактильная визуализация шарика, эта зелёная штука не сработала. Все те места, к которым я прикладывал эту зелёную шутку, всё так же продолжали болеть. Наверное, тут что-то надо было самому додумать про чакру «Анахату», раз она зелёная, и настроиться на вибрации свойственные ей. Но у меня не получилось.

После занятия тренер любил по пути домой проводить «разборы полётов» с каждым учеником индивидуально. Я до этого дня не занимался ножами, только несколько раз бездумно спарринговался, и тренер решил это со мной обсу-

дить:

– Ну как, Всеволод?

– Вообще! Такой детализированный конструктор о том, как наносить непрерывные серии ударов: круги горизонтальные, диагональные, вертикальные, полукруги, лучи, точки!

– Дома всё тщательно отрабатывай! Нож – это самая сильная сторона нашей школы!

– Как это?

– Нож – это самое доступное на сегодняшний день оружие. Ты ещё не понял, что ль, кто мы?

– Хм... Вот ты у своего учителя научился у себя там. А твой учитель где? В Японии?

– Его дед учился в Японии и основал школу здесь, ещё при царской России.

– А в Японии что за школа была? Кто основал?

– Тэнгу.

– Кто?

– Демоны.

Как-то вечером, поймав на телевизоре кабельный канал «Боец», я увидел сюжет про московскую школу ниндзя «Катэда». И тут меня словно маховиком времени отбросило назад в 2004 год, когда будучи ещё в школе я сидел освобождённый от физкультуры в спортзале на скамейке, читал спортивный журнал, где как раз была статья про эту московскую школу ниндзя и думал: «Врачи мне ни за что не напишут справку, если даже от физ-ры освободили. Да и мама не пустит».

– Ты знаешь что-нибудь про школу ниндзя «Катэда»? Имел контакты? – спросил я у тренера после одной из тренировок.

– Да, слышал только. У их главного – Трофимова, по молодости была неплохая школа. Но потом они кино насмотрелись и начали преподавать бред. Плюс – бизнес сделал своё дело.

– Хм... Ну, показательные выступления в сюжете на «Бойце» интересные. Такие штуки вытворяют! Например, когда обеими ногами прыгают на противника и опрокидывают. «Ножницы» – называется?

– «Ножницы» – это для клоунов. В драках, спаррингах, боях без правил никогда такого не было. Представь себе война древности, который скачет как козёл! Бред полный.

– Хм...

– Касаясь их занятий и показухи мы с тобой поговорим завтра в универе. У меня есть идея.

На следующий день в университетской столовой мы встретились, чтобы обсудить его «идею». Тренер выглядел как-то угрожающе серьёзным и, виртуозно жестикулируя едва начатым чебуреком, он перешёл сразу к делу:

– У меня для тебя задание. Найди, где в Москве занимаются ниндзя «Катэда». Запишись к ним заниматься. Не раскрывай себя. Изучи их технику, приёмы, принципы, оцени уровень.

– То есть я типа – шпион?

– Да. Ограничения по здоровью какие?

– Тахикардия.

– Справку достань, купи...

Что ж. Вот и первое занятие в школе ниндзя «Катэда». В детстве я мечтал стать крутым ниндзей. И, раз уж я теперь шпиону в настоящей школе ниндзя за ниндзями, значит, я всё-таки стал крутым ниндзей.

В раздевалке ниндзя-подростки хвастаются своими ручными скорпионами. Перед входом в зал все делают поклон. Потом пару минут сидячей медитации, складывание мудр и коллективное скандирование: «Син-ги-тай»! Что означает единства духа, тела и техники боя. Потом бег, много бега: бег кругами, огурцом, спиной вперед, бег на кортанах. Потом ещё много ползали пластом, делали продолжительную растяжку. Я наконец-то смог почесать ногой себе за ухом! Потом делали друг другу заломы рук. Я спрашиваю у тренера: «А против удара ножом такие принципы заломов помогут»? А он мне отвечает: «Ну, нарвись на кого-нибудь с ножом, проверь. Сработает – хорошо. Не сработает... пирожки будем есть. Упал – отжался тридцать раз на кулаках». Мда... походу задавать вопросы тут вообще не принято.

Ура! Наконец-то наработка ударов: бьём по здоровенной лапе ногой прямые удары на средний уровень. Изю всех сил стараюсь выглядеть неуклюже и бить в треть силы – все должны подумать, что я неуклюжий слабак, и ничего не заподозрить!

Отрабатываем прямой удар рукой: бьём с задней руки, но при этом держим переднюю над глазами, прижав ко лбу, словно закрываясь от солнца. А так же при подшаге громко топаем подшагивающей ногой. Ну, да – чтобы ниндзю все услышали... чудно.

Нам раздают плюшевые нунчаки. Никогда не держал это оружие в руках, но за несколько минут, глядя на опытных нинзей, научился базовым перехватам и ударам. Сам себе попадаешь по голове – и не больно! Весело!

И вот начались спарринги! Что у меня есть в арсенале? Есть прямой удар рукой, прямой удар ногой, два залома, бег. Можно использовать только то, что было на тренировке сегодня. И тогда меня не запалят!

Против меня «желтый пояс». Парнишка на вид на несколько лет младше меня. Я не привык выжидать и беру на себя неуклюжую и беспалевную инициативу нападения. Удар рукой, удар ногой, удар рукой, удар ногой – максимально деревянно и прямолинейно. Я просто непревзойдённый болван! Мимо, мимо, опять мимо. Ну вот – парнишка поймал мою ногу и пытается сделать подсечку. Бьёт недостаточно сильно. Что делать? Изобразить падение? Нет! Надо бегать, бегать кругами и уворачиваться.

Далее против меня встаёт человек вообще без пояса и вообще без кимоно. Так же как я одетый в спортивные штаны и майку, примерно аналогичного возраста, только потолще. Может быть, тоже в первый раз пришёл? Опять беру иници-

ативу в свои руки: удар ногой – попал, удар рукой – попал! Человек без пояса пытается ударить меня рукой в ответ, но я провожу захват, который выучил на этой тренировке, и заламываю ему руку. Ой, блин! Меня же так запалят! Отпрыгиваю от него, делаю вид, что всё вышло чисто случайно.

– Ты давно занимаешься, что ль? – удивляется толстяк.

– Нет. Я первый день тут. А ты?

– Уже два месяца.

– Хм, – думаю про себя я. Ну, хреново, значит, занимаешься.

Снова смена спарринг-партнёров. И теперь против меня «коричневый пояс». И он старше и выше, и конечности у него длинней. Дурака с ним не поваляешь! «Коричневый пояс» берёт инициативу атаки на себя. И тут уже просто так не поуворачиваешься и не побегаешь! «Коричневый» бьёт часто, сильно и быстро. Но всё равно палиться, что я что-то умею нельзя! Месяцами наработанные блоки руками пытаюсь замаскировать под судороги от приступов животного страха, но надолго этого не хватает. Дылда берёт меня на удушающий, потом выкручивает мне ногу, проводит бросок и добивает. Блин, да он меня всего отметелил! Но зато я точно не спалился! Славно сработано!

При первой же встрече с тренером я во всех вышеупомянутых подробностях пересказал ему своё эпичное шпионское приключение.

– Ну, Всеволод, ну насмешил! – безуспешно борясь с при-

ступами хихиканья отвечает мне тренер, – молодец! Правильно себя ведёшь! Но старайся не давать себя бить: держи дистанцию, двигайся по кругу... Энергетику они делали какую?

– Нет, не делали.

– Энергетика – это очень важно. Знаешь актёра такого – Боло Йен?

– Накачанный такой? Злодеев играл?

– Да. Это немногие знают в среде единоборств – то, что может делать Боло Йен. Он и ещё, может, с десятков человек во всём мире. Как мы волну из Тай-Цзы делали, помнишь? Вот он эту волну пускает перед стеной, а с противоположной стороны стены стоит тыква. Ну вот, он пускает волну в стену, а с её противоположной стороны тыква разлетается вдребезги.

– Да ну? – удивляюсь я. Это уже прям мистика! Но раз уж разговор сам уже сюда зашёл, то, может, стоит копнуть глубже? Сразу вспоминается аниме «Манускрипт ниндзя».

– Раз можно ударить телом на расстоянии, – начинаю вслух рассуждать я, – значит можно и мечом поразить дистанционно?

– Да, есть такая техника. Называется – «Лунный меч».

– Лунный? Меч? И как она выполняется?

– Помнишь, мы делали упражнение – вытаскивали из центра груди зелёное облако? Вот его надо ориентировать вдоль клинка. Вложить в меч.

– И как оно работает?

– Противник начинает чувствовать прикосновение твоего меча ещё до того, как ты его коснёшься.

– Ты умеешь? Научишь?

– Позже. Рано ещё.

Что же, прошёл целый месяц шпионажа за ниндзяками. Это было жестко. Три раза в неделю я изображал кривого болвана и огребал по самые помидоры. На любой мой вопрос или комментарий учителя ниндзяков отвечали: «Упал – тридцать раз отжался на кулаках». А ещё были две тренировки в неделю со своими, где со мной тоже не церемонились и превращали в грозного и бесстрашного самурая. Кажется, тогда в двадцать лет, я был на пике своей физической формы вообще. Но всё хорошее кончается, и через месяц «Катэдовцы» спалили, что у меня поддельная медицинская справка. Но это был только предлог, чтобы вывести меня на чистую воду.

– Я ещё в первый день понял, что ты казачок-то засланный, – с насмешкой высказал мне в лицо один из тренеров «Катэды».

– Что? Как?!

– Ты когда бил по лапе ногой, ты бил напронос. Новички так не делают. Они её толкают и теряют равновесие.

– Ой, ну это... Э... спасибо, счастливо! – сказал я и поспешил уйти, ожидая, что мне сейчас в спину полетят сирюкены. Но – нет. Какие добрые русские ниндзя!

– Привет, 700 рублей копи, – сказал вначале одного из занятий мне тренер.

– Что? Зачем?

– Взнос за участие. Ты – участник чемпионата по ножевому бою. Пойдёшь со мною и Олегом! Это будет в конце марта, так что время на подготовку есть. Технику для отработки я вам давал. В сутках – 24 часа. Ваше дело – сколько времени уделить, но подготовиться должны.

Сначала тренировка проходила как обычно – дыхание, разминка, набивка. Но потом нас ждал неожиданный сюрприз. Думаю, стены малого спортивного зала института, где мы занимались по будням, до сих пор помнят всплеск моих экзистенциальных усилий, нацеленных на то, чтобы не обалдеть.

– Раздевайтесь до пояса, сейчас у вас будет тест на страх, – вдруг сказал тренер. Нас в зале из учеников было всего троё парней, включая меня. Самое время для мужицкого самурайского жесткача.

Тренер достал здоровенный раскладной нож и демонстрационно разрезал одну из валявшихся в углу пенек для йоги.

– Все видели – нож острый! Сейчас я вас им буду резать.

Кажется, я был первым подопытным на освеживание. Тренер грозно приблизился и со словами: «Расслабься, не напрягайся», – начал меня неспешно резать. Он резал по горлу, по животу, груди, в наиболее опасных местах на руках – за-

пястья и сгибы локтей. Как только холодная сталь коснулась моей кожи, я понял – стоит мне хоть чуть-чуть напрячься, и брызнет кровь. И я изо всех сил «поддавался» ножу.

Так прошло около минуты или двух. Тренер ободряюще кивнул и перешёл к следующему ученику. Я внимательно осмотрел в себя – я был весь в красных полосах, а руки так вообще – как у долбанного «эмо». Но крови не было.

Закончив с остальными двумя учениками, тренер, осмотрев красно-полосатых нас, сухо прокомментировал:

– Ну, тест на страх вы почти провалили.

Настал конец марта и день чемпионата по спортивному ножевому бою. Мы много занимались, и казалось, что вряд ли кто может представлять нам угрозу серьёзней, чем наш собственный тренер.

Правила турнира были просты: наносишь смертельный или опасный удар ножом в лицо, шею, корпус или внутреннее бедро – тебе «очко». И так до трёх очков. Рукопашка разрешена, но до определённых пределов: бить невооружённой рукой или ногой в пах, колено, лицо и шею нельзя. Для боя там выдают деревянные ножи и защиту для глаз. После каждого попадания сражающихся разнимают.

И вот мы стоим в зале, где должен проходить турнир. Мы сделали взнос за участие, записались и ждём своей очереди биться. Олег, тренер и его брат успешно сразились и прошли дальше. Слышу свою фамилию и название школы. Похоже, подошла и моя очередь.

Категорий по росту и весу на этом чемпионате не было. И против меня – метр семьдесят и 65 кг, – поставили здоровенную мясистую дылду почти под два метра. Всё время, пока я ждал своего выхода, я очень волновался и постоянно разминал своё туловище, чтобы быть предельно гибким и разогретым. В момент, когда меня объявили, и пора было выходить на «ковёр», тренер бросил мне ободряюще:

– Помни принцип нашей Школы! Правило трёх «Б»! Быстро! Больно! Беспощадно!

Бой начался. Дылда первым на меня бросается с ударом. Встречаю его подрезкой его атакующей руки, а заодно, чтобы он меньше дергался – бью ему в живот ногой боковым ударом с подшагом. Это его на мгновение тормозит. Бросаюсь с атакой в горло – дылда парирует и пытается контратаковать. Но я уклоняюсь и атакую сам. Атакую с обманкой! Делаю вид, что собираюсь порезать ему живот, но в последний момент сменяю дугообразное движение на укол снизу в корпус. Я попал! Странно, но судьи не засчитали, не заметили! Дылда снова бросается на меня, я снова парирую его атаку и собираюсь порезать ему горло, но тут происходит неприятный сюрприз. И без того гладкий и скользкий в руках деревянный нож вылетает прочь из моей потной скользкой хватки. Блин! Что делать? Останавливаться нельзя! Парирую уже невооруженной рукой следующую атаку дылды, больно наступаю своей ногой на его ногу, и, пользуясь моментом его дестабилизации, быстро бью ему другой ногой в

пах, а затем рукой в челюсть.

– СТОП! – раздаются голоса судей. О, ну неужели заметили!

– Быков – дисквалификация! – и судьи отдают победу немного ошарашенному дылде.

Ого, как! Ну и ладно. Зато было красиво! Зато я был хорош!

Время шло. Мы тренировались, ходили на разведовательные тренировки в другие школы единоборств, на открытые спарринги по ножевому бою, и так незаметно прошло три года – в одном году мы с тренером стали выпускниками университета. Это означало конец регулярным занятиям с ним и начало более осознанных самостоятельных занятий, а так же регулярных мордобойных встреч с его учениками, многие из которых стали мне отличными самурайскими друзьями.

По этому поводу тренер решил позвать нас к себе, чтобы поужинать и пообщаться:

– Сева, в эту субботу я вас всех собираю в гости! Будем чаепитием заниматься! И бить вас буду, на дорожку...

– А кого – всех? Вместимся в общаге-то все?

– Ты, Влад, Олег, Леха, Даша, Наташа – вместитесь. Остальные уж пусть меня простят – зову только любимых учеников.

– Ха, быстро же Дашка с Наташкой стали любимыми!

– У Наташи способностей побольше, чем у вас всех вместе взятых! А у Даши удар кулаком, как у мужика!

И вот мы собрались в его небольшой комнатке в общежитии, увешанной мечами, ножами, различными ритуальными принадлежностями. Разговор, конечно же, неизбежно зашёл о планировке самостоятельных занятий, о том, как грамотней совмещать физические упражнения с отработкой техники.

– Моё мнение – а почему бы не развивать физуху через технические действия? Вместо подъема ноги – делать удар. Вместо отжимания – отрабатывать толчок. Вместо круговых движений рук – боковой удар. А вместо подъёма тяжести – сечь воздух мечом, например.

– А вместо бега и кувырков? – спрашиваю я тренера.

– Ты вчера сдох после двух минут работы ногами! Думаешь, это меньше заставляет работать тело и ноги, чем бег? Можем проверить: пока я буду бегать – ты будешь бить ногами; и кто быстрее из нас устанет? А кувырки – это что такое? Вот я дзюдо занимался восемь лет и так и не понял, для чего эти кувырки, кроме как для отработки падения, нужны. Ну и наконец, когда пьяное быдло полезет тебе бить морду – ты, конечно же, кувыркнёшься и побежишь?

– Мне батя говорил, что кувырки развивают вестибулярный аппарат.

– Работа с закрытыми глазами развивает в разы лучше твой «турбулентный» аппарат, чем что-либо. Надо быть

практиком и с практической точки зрения смотреть: драться вам на улице и жить на твёрдой земле, а не в спортивном зале на мягком татами. В зале можно быть крутым мега-бойцом, а на улице спотыкаться об бордюр и поскользнуться на льду. И быть потом битым, не понятно почему... Из литературы ты что читал последнее?

– Лао Цзы.

– И?

– Абстракций как-то много, а по делу не очень.

– Это не абстракция – это путь, который предлагают. И как действовать – решать должен ты. Это только для западных дебилов пишут: делай это так, а это не делай так. Такие вещи надо осознавать, а не знать! Сознание – а не ум.

– Ну да... Внешнее наполнять внешним, а внутреннее внутренним. И так вся книга! Из абстракций. Всё в ней вообразимо, а значит – абстракция.

– Значит, ты тоже абстракция. Но я же тебя могу вообразить? И удар – тогда тоже абстракция. Но если я его нанесу?

Прощаться было грустно. Занятия с тренером в первую очередь вернули мне изначальную внутреннюю силу, которая неосознанными усилиями близких была из меня вынута. Конечно же, все ситуации не разрешить взмахом меча или ударом в челюсть. Но когда время придёт – я буду готов.

– Спасибо, было круто. Такое ощущение «Школы» или даже «Клана».

– Севка, я возможно и вернусь. А «Школа» и «Клан», как

ты сказал – он есть. И мы никуда не денемся. Обещаю.

Зима. После заводской смены иду с другом в отапливаемый гаражный комплекс, чтобы немного побоксировать. Он тоже какое-то время тоже ходил на занятия к тренеру, но в некоторых телодвижениях чувствовал себя немного неуверенно.

– Что-то у меня «лоу-кик» не получается, – говорит мне он.

– Ну... тренируй до усёру, – небрежно отвечаю я.

– До-Усёру? Хм... А что это за техника такая? До-Усёру... – принял он вполне себе русское слово за около-японское.

– Чего? В смысле? Ааа! Я имею в виду: повторяй, пока не обсеришься, а потом повтори. В этом путь.

Полуостров Калифорния.

У меня был особо занимательный и интересный период в жизни, длящийся примерно два с половиной года с 2014 по 2017. Это было время, когда я наконец-то сквозь тернии дорвался до воплощения своей детской мечты. И результатом этого стали серия побед на подпольных хип-хоп фестивалях и домашний альбом «Классическая прострация молодого мечтателя» под псевдонимом – «Мутя». За время про-

веденное в этой подпольной московской хип-хоп тусовке я пережил множество чудных и триумфальных моментов.

Например, как я подружился с «Нетрезвым Со100янием». На том вечере выступал спецгость – участник в своё время известной группы «63 Регион». Его заставили всё-таки исполнить их особо заезженную песню: *«Пусть тебя радуют жизни надежды, но не будет у нас всё, как прежде».*

После этого был финальный этап мероприятия – баттл за первое место. В него попали я и Олег из «Нетрезвого Со100яния», – уроженец Чебоксар. Его фишка была в том, чтобы выступать пьяным. Выглядело и звучало прикольно. На отборочных раундах мы исполняли по одной из своих композиций, а в финале нам включили какой-то случайный инструментал и сказали: «Ну, раз вы оба не умеете фристайлить, то вот вам минус, исполняйте под него, что хотите. А зал определит победителя». Я зачитал одну из своих не особо вменяемых заготовок. Олег долго не мог въехать в бит. Не знаю, кто из нас смотрелся объективно лучше, но с Олегом пришлось больше народу, и он победил.

Ещё был забавный случай, когда мы должны были выступать дуэтом с Олегом Никитиным, как «Команда Шаттла 311-Х». Мы приехали в клуб «China Town», располагавшийся недалеко от метро Китай-город. Но всё моё ожидание прекрасного профессионального «чайнотаунского» звука категорически не сбылось, когда организаторы объявили: «Что-то сломалось. Или это провода? Мероприятие переносится в

клуб “Rock House” в Измайлово». Вот это поворот! Рэп-концерт едет к рокерам! Всех участвующих исполнителей доставили в клуб на персональном транспорте. Нас с Олегом бодренько прокатали на «Гелентвагене» по вечерней Москве. Мелочь, а приятно.

Приятности на этом не закончились. Поскольку у нас в распоряжении было около двадцати минут на выступление, то я решил вовсе оттянуться в плане перформанса. Просто, как никогда! Основной костяк перформанса: психически нездоровый человек на приёме у доктора. Псих – это я, в настоящей смирительной рубашке, купленной с рук у менеджера за МКАДного «Бургер Кинга». Доктор – Олег, в настоящем докторском халате, одолженном у настоящего доктора.

Происходило всё следующим образом. «Доктор» уже сидит на сцене, настраивает акустическую гитару. Входит «псих» и заявляет: «Доктор, я не странный. Все говорят, что я странный, а я не странный. Может, это вы все странные». Доктор отвечает: «Если вам есть, что сказать, уважаемый больной, – скажите! А мы все послушаем». Включается первый инструментал. Я исполняю песню «Странные люди» про то, что именно может являться причиной странностей людей. В контексте песни были рассмотрены болезнь, изнасилование, тюрьма и избиение. После окончания песни «доктор» говорит: «Возможно, нам стоит разобраться с тем, что скрывает ваше подсознание. Как вы себя сейчас чувствуете»? Я отвечаю: «Я устал, док». Доктор продолжает: «То-

гда лягте и отдохните», – и берёт в руки акустическую гитару. Я достаю подушку и одеяло и ложусь спать прямо на сцене. Доктор исключительно под гитару исполняет композицию «Морфериум-12».

«...Я вижу странные сны,

В них странный ветер колышет странную траву.

И странный человек

Говорит очень странному небу,

Что он странник...». (с)

В конце композиции я вскакиваю надрывным голосом исполняю речитатив про то, что я не могу выбраться из своего кошмарного сна. Далее доктор говорит: «Возможно, чтобы снять стресс и избавиться от подсознательных кошмаров, вам надо чаще обращаться к светлым приятным воспоминаниям». Я отвечаю: «Да, док... я вспоминаю... Мне семнадцать лет. Первая песня, первая зарплата, первая девушка...». Доктор резко меня прерывает: «Первая девушка только в семнадцать лет? Не удивительно, что вы попали ко мне». Зал смеётся. Он начинает играть вторую композицию на акустической гитаре – «Тебе всего 17 лет». Я в это время, молча, слоняюсь по сцене с задумчивым видом. В середине песни я исполняю свою рэповую часть, которая приносит дополнительные краски ностальгии и позитива в общую атмосферу песни. Концентрируя внимание на том, что когда ты молод – тебе всё в жизни в новинку.

Далее «доктор» садится обратно на свой стул, откладывая

ет гитару и испытывающее на меня смотрит. Я ему заявляю: «А какого чёрта я должен верить в эту субъективную реальность? Может, я уже мёртв? И это грёбаное чистилище»? – я со страхом оглядываюсь. Доктор отвечает: «Может и так. Может, это и конец. Вам есть, что сказать перед смертью»? Я отвечаю: «Да! Вот вам моя история смерти»! Включается инструментал. Я один исполняю песню «История смерти» про отсутствие сожаления за содеянное в течение жизни. В ней обрисовываются так же некоторые ключевые моменты жизни, и как следствие – готовность умереть.

*«Безликая история, последний вдох мой,
Я не жалею о прожитом – не боюсь и сдохнуть!
Жди меня жупел иль парадиз, вот он – шаг из
Навязчивого мира через крики – Остановись!» (с)*

В конце «доктор Олег» встаёт и говорит: «Всем спасибо, это была Команда Шаттла 311-Х. Мир вашему дому»! Нам, если честно, повезло остаться невредимыми, потому что аудитория «Рок Хауса» была, мягко говоря, не готова хип-хоп концерту, и тем более к такому экспериментальному перформансу. Подвыпившие люди лезли на сцену, где-то началась драка, звукорежиссёр отстроил нас просто отвратительно. Но всё равно после выступления мы, довольные, потягивали пиво в окружении новоиспечённых слушателей. Я с воодушевлением слушал рассказы миловидной блондинки об её наркотических приходах про то, как она не только видит всяких демонических тварей, но тактильно чувствует; как

они оставляют на её теле синяки и раны. Олег неплохо подытожил наше музыкальное приключение:

– Надо нам почаще так в люди выходить!

На одном из фестивалей в клубе «Дождь-Мажор», который находился около метро Семеновская, я познакомился с удивительной девушкой, которая в итоге кардинально поменяла моё мироощущение, ценности и путь.

Её выступление сразу бросилось в глаза. Во-первых, потому что она девушка – не самый частый гость на подпольных хип-хоп тусовках; а во-вторых – эзотерическая направленность текстов её песен. Она была даже рада пообщаться со мной, потому что её приятель пролил на неё пиво и вообще уже немного ей надоел. Общение с ней растянулось на остаток ночи, часть утра и ещё несколько месяцев. Оказалось, что она занималась магией, поклонялась богине Кали и пережила много жутких наркотических и brutальных трансцендентных историй.

Мы часто гуляли вместе, беседовали, я постоянно чувствовал удивительный душевный подъём, просто от одного её присутствия. Наши беседы отличались какой-то постоянно присутствующей духовной составляющей, поисками смыслов, путей самосовершенствования и преображения. Сейчас, правда, это кажется просто сплошной перепрошивкой мозгов.

– Мясо есть нельзя! – говорила мне она.

– Хищники едят мясо. Нужно есть мясо, чтобы действо-

вать эффективно, как хищник, – отвечаю ей я, практически цитируя своего сэнсэя.

– Что за бред ты несёшь?

Или вот такой момент:

– Ты кому-нибудь делал добро?

– Нет, – отвечаю я.

– А зло?

– Нет, вроде.

– Эх, Сева, Сева... Ни рыба, ни мясо. Ты должен нести свет и любовь, потому что ты есть свет и любовь. И это должно быть твоей главной целью. Ты бы не появился на этот свет без любви.

Были моменты, когда удивлял её и я:

– Знаешь, что ответил монах Цици, когда его спросили:

«В чём смысл Дзен»?

– Ну? – она была вся во внимании.

– Он сбросил со своего плеча дорожный мешок, хлопнув им об землю.

– И?

– Потом его спросили: «В чём тогда реализация Дзен»?

– Так...

– Он взвалил свой мешок на спину и ушёл.

– И в чём смысл?

– Сбросить ношу и идти дальше.

– Ух ты! – её глаза загорелись радостными огоньками.

Я был наивным и доверчивым. И даже немножко очень

сильно влюблённым. Меня дико раздражало, что мы так много общаемся, но между нами так ничего и не было. Не случилось. Но я её, тем не менее, боялся. Она мне нравилась, но я её боялся. Её опыт смерти и возвращения, откровения и знания, полученные в астрале впечатляли.

– Какими мы должны быть? – множество раз она задавала вопрос своей богине.

– Вы должны быть чистыми, – был получен лаконичный и понятный ответ.

Но её уверенность в том, что её трансцендентный опыт является непреложной истиной и является универсальным для всех – казалось ошибочной и слегка притянутой за уши. И тогда и сейчас. Первый «тревожный звоночек» об утрачивании своего «я» поступил во время обсуждения с ней прошедшего хип-хоп феста. На нём разыгрывались призы в различных номинациях: самый лиричный трек, самый качовый трек, самый позитивный трек и другие. Я взял номинацию «Самый позитивный трек» и выиграл публикацию своего трека в паблик на 10000 фейков. Исполнял я песню «Откровение 311-X». Она была про космонавта, который затерялся где-то в космосе, очень скучал по дому; затем, приняв неизбежное, полный любви и восхищения красотами Вселенной, умер. И исполнял я это в самодельном костюме космонавта.

– Тебе они дали приз не за твою песню, а за твой костюм! – язвительно заявила мне она.

– Да?

– Им было всё равно на твою песню.

– Угу, – ответил я, хотя был категорически не согласен.

Я сам отдавал себе вполне трезвый отчёт, что был офигительным. И песня была офигительная. Я репетировал столько часов! Да и люди там далеко не такие дураки. Но я ей это не сказал. Потому что знал, как она может отреагировать на критику и несогласие с ней – бурным отторжением и негодованием.

Время шло – она становилась всё вредней, а я всё толерантней. Я даже лишил себя чисто человеческого права – ненавидеть детей, и согласился с ней ехать проводить аниматорскую программу для сироток. Но мне повезло – мы прекратили наше общение раньше. Стоило мне всю раскрытировать стихотворение, которое она мне прислала, началось:

– Дело не во мне и не в стихе, а в том, как ты это воспринимаешь! Я больше не хочу с тобой дружить! Завтра приезжай и верни мне мои вещи.

Грустно, но неизбежно. Вспомнил, что подарил ей свой облупленный в многочисленных боях боккэн «Мистера Занозу». И как показывал ей упражнения с ним. Ну, хоть что-то хорошее от меня. Группа «Bone Thugs-N-Harmony» посвятила умершему Eazy-E замечательную песню – «The Crossroads». Это странно, но если дальше есть куда идти, оставив свою брентную оболочку, то она – единственная, кого мне хотелось бы увидеть там. See you at the Crossroads, Вика.

Ещё в легендарном «Дождь-Мажоре» была вечеринка под названием «Cover Hall», посвященная исполнению каверов на известные и не очень рэп-композиции. Участников набралось немного, но все исполняли хотя бы по одному рэп-каверу, и в итоге в зале прозвучали: несколько раз «Каста», «Бонч-Бру-Бонч», «Охххуmiron», что-то на французском и по-моему даже «Yelawolf». Организовывали это всё девчонки из команды «Action Pro», и я выступал с одной из них. Определяясь с выбором треков для совместного выступления, мы пришли к очень хорошему решению – выбрали два достаточно ярких хита 2000-ных: Ю.Г. – «Ещё один день» и Многоточие – «Жизнь и Свобода». Не смотря на то, что мы немного накосячили при исполнении, весь зал, пусть и небольшой, подпевал нам слово в слово. С первых секунд проигрывания инструментала композиции узнавались и встречались одобрительными «Ооо!» и «Ууу!»

Что сказать, я тогда победил и выиграл, кажется, сертификат на профессиональную фотосессию, которым так и не воспользовался. После концерта мы с девчонками-организаторами, Катей «Kate Rasy» и Саньком-скинхэдом (он даже выходил ко мне на бэки) поехали в 6-00 утра на Арбат в ещё работающий «Kill-Fish»-бар. Ребята хвалились своими записями, а я вместе Саньком-скинхэдом пил сакэ за... холокост!

У Freddie Gibbs`а есть очень красивая строчка в треке «Talk to me». В какой-то мере она объясняет и мотивацию творчества вообще, так

и глубинную причину существования рэп-культуры: «*IrapcauseonedayIpraythismightbemyescape*». Да, она вырвана из контекста, и дальше там про торговлю наркотой, но тем не менее. Ещё со школьной скамьи стали закрадываться экзистенциальные сомнения: с миром что-то не так, с нами что-то не так. И это всегда было идейным фундаментом этой музыки, кто бы что ни говорил про тачки, тёлки и бабки. В то ноябрьское утро я самоуверенно ощущал, что эстафета русских рэп-первопроходцев передана в надежные умы – то есть нам, напрочь игнорируя всю масштабность и разноплановость происходящего внутри культуры. Я был сонный, пьяный, я чувствовал единство – единство с музыкой, людьми, идеями, единство с Силой Рифмованных Строк!

Ненавязчиво клуб «Дождь-Мажор» стал своеобразным храмом хип-хопа, и в нём произошло событие, на первый взгляд рядовое; и только спустя много лет мне удалось угледеть в нём бескомпромиссный символизм развязки, финала, логичного подытоживания моих бесхитростных устремлений души.

Мероприятие устраивала Света Гром, и за первое место был денежный приз аж в тысячу рублей. Участников было много, все исполняли по одной композиции. Я исполнял песню «Всё мертво». Она отличалась упаднической атмосферой, мощными гитарным рифами, речитативом с дабл-таймом и не очень вменяемыми попытками харша в припевах. Я нарядился в чёрную мантию с капюшоном, разукрасил ли-

цо под череп чёрным и красным гримом, и в момент своего выхода на сцену я держал в руке зажженную свечу, что в сочетании с полумраком зала и наигранной заторможенностью движений создавало необходимую жутковатую атмосферу.

Ещё в этот вечер выступала интересная девушка – Читава. С ней пришло человек двадцать, практически ползала. С такой поддержкой она чувствовала себя на сцене очень уверенно и сразу заявила: «Я – Читава. На сцене уже более десяти лет...», – и что-то там про свои регалии. Её выступление мне запомнилось. Песня звучала просто, и в ней рассказывалось о том, как она поехала учиться за границу.

Когда судьям пришло время выбрать победителя, у них возникла проблема. Один из них – Бутовский Михей, – подошёл ко мне и сказал:

– У вас с Читавой поровну голосов. На баттл уже время нет. Вживую пускай народ проголосует. Если победишь – угощаешь всех шаурмой! – пошутил он. Вроде как.

Мы стояли с Читавой на сцене, а народ голосовал за победителя вживую. И я победил. И победоносно закричал: «Всем по шаурме»! Все согласились, но никто чего-то не захотел. Naoki очень по-пацански прокомментировал мою победу:

– Мутя однозначно победил, кто бы что там не говорил. Сделал круто. Сразу видно, когда человек из себя что-то представляет, а когда без толпы человек – ничто.

Поздно вечером по пути домой я мурлыкал себе под нос

неожиданно легко запомнившийся припев песни, которую на фесте исполняла Читава:

Chitava – «California».

«Добро пожаловать в Соединенные Штаты

Россия – без обид, я ни в чём не виновата

Привет ребята, знайте – я в отличной форме

Здравствуй мой новый полуостров – Калифорния». (с)

Чисто субъективно, но я сомневаюсь, что всё, что она хотела сказать этой песней – «что всё ништяк». Да, в песне не превалирует какого-то одного конкретного умонастроения, но что я уловил конкретно для себя – так это символизм процесса взросления с присущими ему обычными человеческими переживаниями, раскрывающий себя в конкретном географическом месте. Много лет спустя я понял, что у меня тоже есть свой «полуостров Калифорния». Только он существует не в пространстве, а во времени. И в нём живёт человек, не обладающий какими-либо выдающимися способностями, со своей маленькой мечтой и огромным хаотичным миром. Прикольные и странные знакомства, бестолковая влюблённость и вкус победы. Я бегал выступать почти каждую неделю! Радость творчества, пьянство и неизбежный вопрос, всплывший категорически вовремя: «А дальше-то что»?

Это пространство меня отпустило, и я был готов идти дальше. Впереди меня ждали занятия пением, освоение музыкальных инструментов, путешествия и многое другое.

Ты неосознанно чистишь морковь.

Июль 2022 год.

– Ну так, как говорится, куда путь держишь?

– Да вот, в леса Вологодской области. Там уже в лесу приятели, девчонки, костры, музыка...

– На шабаш, значит едешь? Сатанист получается!? – дальнобойщик оторвал взгляд от дороги и перевёл на меня, испытывающе прищурившись.

Да, вот – такой автостоп! Мне пришлось около двухсот километров как истинному мульти-теологическому агностик-у виртуозно парировать его православные бредни. Но что поделать, если человек из-за своей убеждённости, подкреплённой исключительно дремучим упрямством, даже и не пытается посмотреть на вещи под другим углом.

– Музыкой занимаешься? Плохо! Вот война сейчас начнётся, жрать будет нечего, и чего ты со своей музыкой делать будешь? Я бы на твоём месте балалайку бы эту нахуй разбил и Богу бы целыми днями молился, чтобы он простил тебя, – выпалил водитель, указывая на мой чехол с банджо.

До самого места встречи в лесу я добрался прикольно: прямо автостопом в лес. За Череповцом поймал очень впечатлительного водителя. Ему нужно было сворачивать влево с «А-114», а мне по ней еще 50 км дальше и вправо. Я был удивлён, когда стоя на смеркавшейся пустой трассе, я увидел

знакомый автомобиль и знакомое лицо в нём:

– Ну ты вообще! Я и не думал, что кто-то ещё так путешествует! А ты взял и поехал! Я даже вернулся, думаю – а чего мне домой ехать? Поеду на приключение с тобой! Довезу тебя до самого места встречи! Вбивай координаты!

– Здорово, спасибо! Только, если что – ментам и местным ни слова! Там толпа хиппеев без какой-либо организации и согласования с властями...

Автостопный день выдался интенсивный – почти 600 км! Набожный дальнобойщик, фургон с моряком из Устюга и вот – прямая доставка до шабаша. Мне крайне повезло встретиться и познакомиться с настоящими хиппиями, так как попасть на их секретные слёты на природе можно, только зная кого-то из них. Причудливый коридор из ёлок и сосен, бьющих ветвями по ветровому стеклу автомобиля, вёл туда, где начинается настоящее волшебство – я в этом не сомневался. Окружавшая нас лесная тьма, едва рассеянная светом фар, поднимала градус таинства с каждым пройденным поворотом – я весь стал одним трепещущим ожиданием.

И вот начались первые признаки людей в глуши: небольшая автостоянка, чуть за ней уже палатки, какие-то неразличимые во тьме постройки, огоньки костров, звуки музыки, голосов, барабанов. Мы вышли с водителем и немного побродили по пространству «этой встречи», со слабыми попытками вот так с разбегу, прямо с дороги влиться в атмосферу. Я встретил пару музыкальных знакомых, они необыч-

но меня поприветствовали:

– Добро пожаловать Домой!

Водитель, который меня привёз, явно чувствовал здесь некую экзистенциальную потерянность, он немного погулял от компании к компании, потом быстро со мной попрощался и уехал. У меня на потерянность не было времени: я хотел спать просто до жути. Не сильно задерживаясь у костров, я быстро поставил палатку наугад в пушистых мхах и мгновенно уснул, утомлённой дорогой и разговорами.

А что же это такая за «встреча»? Это «Радуга»! Моя первая в жизни Радуга! А что это такое? Кто-то говорит, что это встреча старых друзей, кто-то называет это собранием Племени или Семьи, кто-то говорит, что это чистейшая тренировка проживания утопии. В приглашении на Радугу написано, что это некоммерческое собрание близких по духу людей анархического типа, что это ни в коем случае не фестиваль или секта. И если обобщать, то людей там в первую очередь объединяет полный отказ от насилия, как физического, так и психологического, а так же стремление к единению с природой и бережное к ней отношение. Короче – давайте играть музыку, любить друг друга, плясать вокруг костров и проживать этот праздник жизни!

Утром лес просто окунул меня в свою очаровательную сказку: просыпаешься бодрый под пение птиц, писаешь, разглядывая утренний туман, жадно втягиваешь ноздрями ароматную утреннюю прохладу... Ловлю первого попавшегося

бодрствующего человека и просто засыпаю его вопросами:

– А где тут речка? Где кухня? Где общая сральня?

– Давай я тебе сейчас всё, покажу, как раз на речку сам шёл...

Я окунаюсь в речку и чувствую, как волшебство этого места просто проникает внутрь меня, смывая не только пыль пройденной вчера дороги, но и пыль и шелуху пройденного пути вообще: экзистенциальная усталость отпускает – нет прошлого, нет будущего, а только прекрасный момент купания в лесной речке чудесным летним утром.

– Братан, я в раю! – заявляю я рядом плавающему человеку, который меня сюда привёл.

– Ха-ха! Давай-давай, сонастраивайся! Добро пожаловать Домой!

Я поставил палатку примерно в двадцати метрах от «Main Fire» – Главного Костра, около широкой проходной тропинки специально, чтобы зазывать кучу незнакомых людей на чай, поболтать и побренчать. Уже в первый день у меня вполне успешно получилось там стать нудистом, я влюбился в Аню, Ксюшу, Настю, Женю, Дану, Дашу. Я впадал в какой-то музыкальный транс импровизируя на банджо по полчаса без остановки у Главного Костра с кучей всяких талантливых музыкантов. И один из них подошёл ко мне после джема и сказал:

– Банджо? Круто! Надо тебе к пиратам сходить!

– Что ещё за «пираты»?

– О! Эти ребята просто боги! И они молчат! Они музыканты охренительные! Я там сел у них на стоянке и тоже молчал!

– А где они?

– В общем, на противоположном берегу реки видел стоянку? Когда они флаг вечером вывешивают, то значит – ждут гостей. Там ниже по течению увидишь канат через реку перетянутый и лодки.

Вечер. Мы с Марусей переправляемся через реку. Маруся в основном тянет канат, а я на корме распеваю пиратские песенки Капитана О`Мара:

*«Пусть пропит якорь, парус дран, поломанный бушприт
Была бы кружка полной – мы прорвёмся как-нибудь!» (с)*

Да, и ребята вывесили на своей стоянке флаг – череп с перекрещёнными костями. Они ждут гостей, и мы держим курс строго на него! По-другому никак – верёвка...

– Доброе утро! – приветствую я по-Утришки жителей пиратской стоянки где-то в одиннадцать вечера, – а можно с вами поджемить?

– Давай, заходи!

Представляя «пиратов», я почему-то представлял пиратов из советского мультфильма «Остров Сокровищ»: усаые, красноносые, с не в меру развитой мускулатурой. Здешние же пираты были гладко выбритые, худенькие, ничем внешне не отличающиеся от остальных хиппеев. Мы, отодвинув сетку от комаров, сели под большой навес около большого стола для чайных церемоний – «ча-бани». Около десяти

ти около-пиратских человекообразных собралось за столом, насколько можно разглядеть при не слишком интенсивном свете нескольких свечей. Девушки тоже присутствовали среди них.

– Курить будешь? – спрашивает меня один из пиратов, пока я расчехляю банджо.

– Конечно! – немного небрежно отвечаю я.

– Чего это у тебя? – спрашивает другой пират, указывая на мой инструмент.

– Он на банджо вообще здорово играет! – у пиратов в гостях оказывается знакомый флейтист-виртуоз Травич. Сразу и не приметил, не узнал.

Мы какое-то время молчим. Как-то странно молчим. Коллективно и по-кастанедовски! Нет такого, чтобы кто-то что сказал, лишь бы сотрясти воздух, а другие давай ржать. Никаких: «как дела» и «ты кто вообще по жизни будешь». Все молчат. Я отчётливо чувствую, что никто вокруг не ведёт внутренний диалог. Даже я не веду. И Маруся. Все внутренне молчат. В какой-то момент в силу привычки у меня возникает желание сказать какую-нибудь ерунду, чтобы все заржали, но тут же разбивается вдребезги о красноречивые бастионы «ОВД» – остановки внутреннего диалога. Мы все брутально молчим, сидя под суровым флагом с черепом и костями. Я начинаю потихоньку въезжать в эту флибустьерскую романтику.

– Держи! – пират протягивает мне здоровенную резную

трубку и зажигалку.

Я делаю глубокую затяжку и собираюсь предать трубку по кругу, но пират останавливает меня:

– Стой! Кури всё, всё тебе.

Я молча киваю и полностью сосредотачиваюсь на курении: какая странная на вкус конопля – отдаёт какими-то грибными нотками. Забили этой странной смеси в трубку очень много – я в жизни столько за раз не скуривал! Минут через пять, меня уже начинает слегка мутить. Пираты разливают в пиалы ароматный шу пуэр, кидают в здоровенный костёр здоровенные брёвна. Всё молча. Маруся тоже молчит, кажется. Наконец-то они достают музыкальные инструменты. С трудом уговариваю балалаечника и гитариста настроиться по моему тюнеру, чтобы мне не подстраиваться под их странные частотные стандарты настройки. К нам присоединяется ещё барабанщик и танцор-перкуSSIONист.

Пираты начинают играть одну из своих песен – про Африку. Сначала всё идёт как обычно: определяю самую низкую ноту в композиции, мажор или минор и уже смотрю, какими аппликатурами можно это обыграть. Но потом, может к середине второй или третьей песни, всё, что я скурил, резко вдруг решает поиграть за меня. Да и ещё как поиграть! Словно надсмехаясь над узостью моего музыкального мышления, трава начала управлять моими руками, которые вдруг стали бегать по всему грифу, как ошпаренные, выдавая невероятно атмосферные аккомпанементы и завлекая в пляски

вокруг костра Марусю и других девчонок. Сюрпризы на этом не кончились. Почти с ужасом я заметил, что мы на стоянке не одни. Боковое зрение ясно сигналило, что вокруг нас находятся некие существа. Безусловно живые, но не имеющие отношение к органической жизни: пульсирующие и текущие формы, которым явно тесно находиться в рамках трёх измерений. И они воспринимали нами этот прекрасный джем в ночь полной луны.

– Ребят, можно я тут с вами посижу? Я укуренный и мне страшно. У меня тут с собой чай, конфеты...

Я покинул пиратов, когда они начали делать коллективные распевки и какую-то странную зарядку. Я решил, что с меня хватит. И так мерещится всякое... Или не мерещится? Маруся уплыла ещё раньше меня. Я с трудом вернулся к себе на стоянку: сначала развязывал трясущимися руками не тот узел у лодки, потом шёл через темный лес босиком, без фонаря и непрерывно ловил глюки. Мне мерещились тени, мне мерещились змеи. И, кажется, меня всюю преследовали эти самые «существа». Кастанедовские неорганические существа. На своей стоянке я сделал котелок чая, и мне что-то стало страшно сидеть одному.

– Ого! Как безотказно работает транссёрфинг: только подумал о чае с конфетами – и тут ты!

Егор и его приятели у костра были из Томска. Мы сиде-

ли и говорили о волшебном «Радужном Пространстве», и как оно всё ловко решает за тебя. И действительно: вот ты проснулся, опорожнился, окунулся – а дальше что? У тебя есть целый лес с людьми и всяческой деятельностью. Пространство помогает прислушаться к себе, а потом передаёт тебе некий импульс: «Иди туда». Или: «Делай то». И в какой-то момент понимаешь, что ты ничего не решаешь и расслабляешься. Или как говорят здесь – «попускаешься».

Прекрасный летний денёк. Лежу укуренный около Главного Костра на земле. Смотрю, как качаются на ветру зелёные верхушки высоких сосен. В какой-то момент ветви складываются в лицо. Знакомое лицо! Кто же это такой? А, узнал! Дензел Вашингтон!

– Пересмотри «Тренировочный день», салага!

– Так точно, капитан! – я отдаю честь воображаемому негру, беру банджо и, подхваченный внутренним импульсом, иду на общую кухню.

У кухонного костра сидит рыжая мускулистая девушка и печёт блины. На вид довольно меланхоличная. Подсаживаюсь к ней, играю ей на банджо всякие заковыристые мелодии и пару песенок. Ей нравится, и она угощает меня свежими жирненькими блинчиками. В ходе беседы выясняется, что её зовут Лиза, и что она из «пиратской тусовки». Слушаю её истории путешествий и концептуальных самоиздевательств.

Про последнее понимаю слабо.

После дня блинных процедур с Лизой мы видимся практически каждый день. Не договариваясь – просто синхронизируемся каким-то образом в этом волшебном Пространстве. Подолгу сидим на моей стоянке и пьём чай. В основном молча. Она оказывается тем человеком, с которым не обязательно разговаривать. Общение происходит на каком-то более тонком, что ли, плане. Она показывает мне движения из Капоэйры, знакомит со своим приятелем Везей, который ловко даёт мне ценные инструкции, касаясь осознанных сновидений – рисовать карту снов и периодически её разглядывать, чтобы потом во сне узнать, что ты во сне. Один раз она мне неожиданно приносит лисичек, бережно собранных в окрестных мхах, а один раз странную записку: «Серебров Константин – Мистический андеграунд». Записка оказывается книгой, концепция которой впоследствии дала понимание странных историй самоиздательства Лизы: намеренно расковыривая себя на предмет тех или иных личностных слабостей, она отправлялась в путешествие или на работу именно в те места, которые позволили б раз и навсегда эти слабости проработать. Ну, по крайней мере, она объясняла как-то так.

Одним утром я просыпаюсь и неожиданно для себя пишу небольшое стихотворение ей:

*«Пути ведут в никуда, но как знать, что иного нет?
Меж сосен босиком шуршат листвою двое смело*

*Я вижу мы душой трепещим на одной волне
Хочу ласкать твоё тело»!*

Стишок ей понравился, но вот то, что я влюблён и хочу её – по ходу не очень. Это никак не влияет ни на чаепития, ни на неё, ни на меня и вообще ни на что.

Вспоминается один важный обрывок одного из редких диалогов с ней:

– Хочу отправиться опять в какое-нибудь brutальное путешествие и в нём помереть! Например, в рукопашной схватке с рептилоидами, аха-ха!

– Ты мне напоминаешь меня в начале пути.

– Это как? – удивляюсь я.

– Ты готов умирать, но ты не готов жить.

«Angel Walk» – что это такое? Большая группа людей выстраивается в два ряда лицами друг напротив друга. Между ними небольшое расстояние, так чтобы мог пройти человек. В начале рядов есть «запускающий», а в конце – «принимающий». Запускающий берёт человека с какой-то одной из сторон стоящих людей, говорит ему закрыть глаза и отправиться в путь по «реке любви» – то есть пройти между людьми, словив все объятия, поцелуи, ласковые слова, а потом тоже встать в один из рядов и дарить объятия, поцелуи и ласковые слова. Принимающий обычно помогает продолжительными объятьями прийти в себя человеку, только что

прошедшему по «реке любви» и настроить его самого на то, чтобы дарить добро и любовь другим идущим между рядов людям. Одна из основных идей этой практики – чтобы человек вновь почувствовал свою ценность не за то, что он что-то делает, а за то, что он просто есть, как живое существо. И я шёл по этой «реке» сначала неуверенно и боязливо, а потом всё-таки смог почувствовать себя этим живым существом: стоял и обнимался минут семь с принимающей Женей, и всё никак не мог почему-то её отпустить. А потом сам встал в ряд и обнимал всех, не скупясь на добрые слова и признания в любви. Правда, у этой практики, лично для меня, оказался весьма неприятный побочный эффект – к её концу я был эмоционально выжат. Просто выжатый лимон!

– Ну, если чего – залезай, ночуй у меня.

– Ага, спасибо!

Алина ехала из далёкой Сибири автостопом в компании друзей, и чтобы перемещаться в пространстве быстрее, они разделились. В итоге она добралась сюда первой, а общая палатка осталась у кого-то из них. И уже вечер.

Мои блуждания с банджо затянулись до рассвета. Народу много, все прикольные, со всеми хочется побренчать и потрындеть. Вернувшись к себе в лагерь, я обнаружил в палатке прекрасную спящую Алину. И на всю ногу у неё красовалась татуировка дерева с корнями в виде щупалец осьмино-

га. Неужели я упущу свой шанс? Достаяю баранку, одеваю ей на нос. Жду. Через несколько минут она просыпается. Непонимающе хмурится и резко сводит глаза к переносице:

– Ааа! Что это такое?! – Алина кричит и размахивает руками. Аха-ха! Лучший пранк в моей жизни!

Отдельно стоит сказать про ходьбу босиком. В первую очередь ты заземляешься. Земля – спокойная и непоколебимая. Это настроение передаётся и тебе. Меняется режим ходьбы. Даже днём ноги двигаются не прямо вперёд, а как бы описывая полукруги, словно прощупывая путь на предмет палок, шишек, ежей, змей и всякого. Ноги практически становятся «вторыми глазами», особенно ночью. Достаточно всего несколько раз наступить на шишки или сучки. А гулять по лесу босиком под дождём! Это удовольствие стоит отдельным особняком наряду с такими как: окунание в прорубь, стояние на гвоздях и хороший спарринг.

Но хождение босиком на Радуге – это одна из самых лёгких форм аскезы. Многие ходят голыми постоянно, пока позволяет погода. Кто-то устраивает себе настоящие челленджи. Например, знаменитый в путешественнических кругах Каспер несколько дней молчал и общался с людьми исключительно указывая на буквы алфавита, нарисованные по всему его обнажённому телу. Бывали опыты и пожестче: один человек становился для другого «глазами» на целый день,

или несколько, водя его и до кухни, до туалета, и до речки, и по лесу...

У Ани была очень притягательная энергетика. Ну и внешность, конечно: худенькая, рыженькая, просто с широченной улыбкой. Вся искрящаяся добротой и спокойствием, словно она сама есть Земля – внутренне устойчивая, непоколебимая. Просто находиться рядом с ней несло в себе мощный терапевтический эффект – мне явно не хватало некого душевного баланса. Когда какое-то время находишься на природе и не прибегаешь к использованию всяких отвлекающих гаджетов, неизбежно начинаешь глубже погружаться в свой внутренний мир, постоянно рефлексировать и в итоге оказываешься один на один со своими настоящими чувствами и ощущениями. Про жизнь, путь и вообще.

Как-то мы с ней сидели около общего костра, и я чего-то вспомнил о том, как оставил своего братана с музыкальной группой, которую сам же и собрал, а так же с кучей других совместных нереализованных проектов. Оставил, чтобы заниматься только тем, что идёт из меня и ничем, что идёт из него. Прекратил взаимодействие с ним вообще и ещё примерно с двадцатью людьми, которые входили в наш общий круг общения. Уже несколько лет мне это решение периодически не давало покоя.

– Ты не предатель и не трус. Ты просто пошёл своим пу-

тём, а он своим. Тут ничего такого. И если твой путь, вследствие твоего непростого решения, в итоге привёл тебя сюда – на Радугу, то, наверное, это было правильным решением?

– Хм...

– Будь здесь и сейчас – в лесу у костра. Чего возвращаться туда?

– Спасибо...

– Прогуляемся, давай!

Лесные тропы и черника, растущая по всем сторонам и во все стороны, ловко привели нас на дальнюю окраину Радуги к редким лагерям хиппи-образных интровертов и ... шаманов? Один из них по прозвищу «Леший» помахал нам своей доброй ручищей, приглашая в свой лагерь.

Мы помогли ему перевесить тент, попутно приняв участие в его мастер-классе по вешанию тентов. Как только тент был перевешен, начался дождь. У Ани возник странный импульс бежать срочно купаться на речку, а у меня – остаться у Лешего. Леший посоветовал нам прислушаться к своим внутренним импульсам.

Аня радостно убежала, а лично для меня был проведён мастер класс по безопасной организации и окапыванию очага. В продолжение беседы об импульсах и суете Леший поделился со мной мудростью, а потом ещё одной, и обе я запомнил на всю жизнь:

– Вот пришла в голову тебе мысль что-то сделать – сразу не бросайся. Спокойно сядь, помолчи, обдумай, обмозгуй с

разных сторон, покури, вспомни анекдот... А потом как поток тебя словно подхватит – тогда с ним устремляйся, подхватывайся и делай.

– Ого! Классно! Слушайте, я тут с одной красоткой познакомился. Мы часто общаемся, и много времени сидим-молчим. Прямо такой коннекшн! Но чего как-то не сблизимся всё никак, не понимаю почему...

– О, с этим вообще расслабься, даже голову себе не забивай! Подожди просто, и оно само собой произойдёт.

Попытавшись найти Аню у реки, я нашёл её в направляющей в типуху к Станиславу в объятьях Станислава. Мда... дела. А она мне вообще нормально так понравилась. На автопилоте дойдя до своего лагеря, я обнаружил около него Лизу с пачкой «Азерчая».

– Привет! Ставь, давай, кипяток! – хитро говорит мне она. Ну что ж, а жизнь-то налаживается! Сразу прям!

Первый длинный проливной дождь за все полторы недели пребывания здесь. Хиппи прячут туалетную бумагу, сухпайки, спички и гаджеты. Я слегка перевешиваю тент над своей палаткой, чтобы туалетная бумага, сухпайки, спички и гаджеты остались в живых. Смысла сидеть в палатке нету. Гуляю босиком под дождём. Любуюсь преобразившейся природой и внеплановым «конкурсом мокрых маек». Красиво! Ко мне присоединяется Оля, и мы с ней, как ни в чём не бы-

вало, то и дело занывираем в пелену дождя, прогуливаясь по лесным тропкам. Беседуем.

Я сразу приметил Олю, как отличного Радужного компаньона. Едва достигшая совершеннолетия, тихая, спокойная; никогда не отказывается от моей еды и чая, одним своим присутствием прокачивает атмосферу на предмет доброты, мультяшности и взаимопонимания. Оля открыла мне, что возможно играть в «Морской бой» втроём, и этот «тройничёк» был крайне запутанным и брутальным. А сейчас она, восхитившись восхитительным окружением ёлок, шишек, хиппёй, капель дождя и ленивыми дымками наплывающих туманов, всю строила замечательные планы на жизнь:

– На Крымскую Радугу потом поеду! И на международную тоже! В Турции будет! А ты фехтованием, вроде, говорил, что занимался? Я тоже хочу!

А у меня какие планы? Чего я хочу? Полагаю, что окончательно влюбиться в Лизу, всё бросить, и отправится с ней на поиски Шамбалы. Ну... если нам, конечно, по пути...

– Смотри: вдыхаешь как бы через сердце, через сердечную чакру дышишь, а не просто в лёгкие. Чувствуй, как она у тебя наполняется энергией, можешь визуализировать, как хочешь. Хочешь – вдыхай любовь, свет, положительную энергию...

– А на что это работает?

– Ну, смотри: на все свои действия эту «благость» можешь перенести. Например, на мытьё посуды: в нервном или мрачном настроении не принимайся её мыть – ты же будешь потом из неё есть. Этим упражнением сознание своё почистишь и только потом мой, – пиратский танцор- перкуSSIONист, допив чай, поблагодарил меня за него и поспешил из моего лагеря по своим пиратским делам.

Ну а я поспешил занять своё почётное место в оркестровой яме. Ямы и оркестра, конечно же, никаких не было, но я так по приколу называл место под ёлками для музыкального сопровождения театральной постановки, в которой участвовал. Среди радужных людей можно встретить представителей совершенно разнообразных творческих направлений. Как например – режиссёра театра. Эта прекрасная дама смогла организовать отвязных лесных человек собраться вместе, чтобы выучить и отрепетировать свои роли, помогла с костюмами и даже собрала небольшой «оркестр» из меня с банджо, Станислава с хангом и Стаса с гитарой. Ставили что-то вроде урезанной версии «Майской ночи» по Гоголю. Костюмы утопленниц – это отдельный вид искусства: несколько прекрасных голых девушек просто накинули на себя прозрачные, невесть откуда взявшиеся в лесу, занавески и скатерти.

Мы встречались, чтобы всё отрепетировать около трёх-четырёх раз, и здорово синхронизировались: «оркестр» органично играл и обыгрывал сценки, актёры запомнили свои

слова. Но выступление, конечно же, пошло немного не по плану: актёров накурили, они частично забыли свои роли и сюжет, начав как попало импровизировать, а «оркестр» как попало подстраивался под них. В итоге никто ничего не понял, но всем понравилось. Один из зрителей даже угостил меня сигариллой «Captain Black», сказав:

– Ну вообще! Я такой музыки никогда не слышал!

Вечер перед моим отъездом. Мы сидим у главного костра с Лизой, целуемся. Она одета в мужской советский пиджак и шапку, напоминающую гномий колпак. Но в лесу это всё равно смотрится на ней стильно и сексуально. Обещаю ей оставить запасы печенья и гречки, а так же продолжить общение уже в городе. Она пока тут остаётся.

На рассвете я с Олей-Тихоней выхожу на локальную дорогу, ведущую к магистральной трассе. Я несу её тяжёлый надувной матрас, но ей всё равно тяжело идти, и мы часто останавливаемся, чтобы посидеть-отдохнуть.

– Ну, ничего! Зато теперь научишься правильно собирать рюкзак!

Оле восемнадцать, и это её первый автостопно-лесной опыт. Так совпало, что мы решили отчаливать в один день, а ей очень не хотелось ехать одной. На «место встречи» она тоже добиралась с попутчиком.

Первый водитель большого грузовика, которого мы пой-

мали, оказался одним из самых некоммуникативных людей во всей моей жизни. Проехали с ним прилично – более двухсот километров. Почти до самой Вологды. Я долго пытался его разговорить, сам травил байки, рассказывал анекдоты и делился укुरенными впечатлениями. Перебрал почти все темы, которые только есть в мире, от спорта и до любви, а он отвечал только:

– Ага...

Или:

– Нет, не занимался...

Оля даже не попыталась. Она сразу поняла, что разговаривать тут бесполезно и быстро уснула. Я же, растерянный и удивлённый, силился найти какую-нибудь ниточку, которая бы связывала нас, как обыкновенных человеческих существ. И вдруг, словив вдохновение, говорю:

– А включите свою любимую музыку!

Водитель улыбается и включает что-то. Вслушиваюсь. О да, этот вокал, этот голос, эти тексты – мало с кем можно спутать.

– Что-то знакомое... Неужели это...

– КняZz! – отвечает водитель.

Под «Пиво, пиво», «Манекенов», «Адель» и «Загадку» летим бодрячком на встречу с Вавилоном. Молча. Оля-тихоня спит.

На развязке «М-8» и «А-114» нас подбирает brutальный плотник из Карелии. Каждые полтора часа он останавлива-

ется, чтобы покурить ганджи через огромный, сконструированный из двенадцатилитровой бутылки, бульбулятор. Как он не стремится вообще возить такое чудо в багажнике?! Самое интересное – на его водительские навыки это не влияет. Напротив – водитель, поворачиваясь к сидящим на заднем сидении нам с Олей, вообще не глядя на дорогу, виртуозно орудует рулём, одновременно ведя с нами интересную беседу. Предлагает пыхнуть и нам, мы на всякий случай отказываемся.

– Вот если бы у тебя гитары с собой не было, – говорит он указывая на мой чехол с банджо, – я бы вас не подобрал. А тут смотрю – музыкант на дороге. Значит – наш человек! Вот вы с фестиваля едите сейчас, а дальше-то что? На фестивале всё классно: все добрые, общительные, весёлые и дружные. Все друг друга любят... А сейчас вот в Вавилон вернётесь и что? Опять хмурые, злые и суетливые будете? Надо, чтобы Вавилон стал фестивалем! Чтобы это атмосфера праздника жизни никуда не девалась. А то вот вы веселились, пели песни, открыто общались – эти все ростки надо взять с собой и посадить в своей привычной среде обитания. Понимаешь? Вон – вечером во двор выйди, колонки подключи и соседям концерт забабахай! Такой – чтобы все свои проблемы позабыли и радовались! А то что – только на фестивале жить и веселиться что ли?

Идея, конечно, хорошая. Да вот только какой внутренней силой нужно обладать, чтобы так взять и вытащить человека

из водоворота его проблем? А то чего – какой же это фестиваль? Какой же это праздник?

Спустя две недели после моего отбытия с Вологодской Радуги, мы снова встретились с Лизой в лесу. Уже на Около Московской Радуге. Кажется, я ей больше не нравлюсь. Никаких поцелуйчиков. Наши чаепития становятся лишены некой сакральной молчаливой эзотеричности, которая так контрастно выделялась на фоне обычного словесного взаимодействия.

Вечер. Берег реки. Мы сидим вдвоём с ней, но переполняют чувства только меня. Мне хочется взять её с собой в суицидальное путешествие на поиски иных миров, хочется бесконечно на неё смотреть, слушать её и поить чаями. Но ей такого не хочется. Разговор проходит как-то неприятно. Если утрированно собрать в одну кучу всё, что она говорила, то получится примерно следующее:

– Я немного умею смотреть в будущее. Я посмотрела – нас там ничего хорошего не ждёт. Первое время, ещё может ничего, но потом – провал. И вообще – ты страшный и туповатый. Научись чему-нибудь! Я наблюдала за тобой на кухне – ты когда морковку чистил, у тебя взгляд вообще пустой был. Как будто бы не понимал, что делаешь!

– Хмм... Я неосознанно чищу морковку?

Живот предательски заурчал.

– А ещё я отравился водой из речки.

Священник и Редиска.

В далёком северо-южном селе «Пысярики» Кикиморской области Российского Союза жил священник по имени Акакий. И был у него воображаемый приятель – Редиска, надоедливый полутораметровый овощ агностических взглядов. Редиска постоянно подвергал сомнению чистую и светлую христианскую веру Акакия, иногда даже в очень неподходящее время:

– Значит, твой бог разрешил тебе есть мясо, говоришь? А у этого «мяса» ты сам-то спрашивал? Не думаю, что оно бы согласилось с твоим богом. Да и сам ты не хотел бы быть съеденным. Да и я. А я же, блядь, овощ – вообще без мозгов! Станный мир, да, создал твой бог? Где одно должно жрать другое, чтобы выжить! Это точно работа сверхмудрого вселенского разума? Скорее человека: создал жуткий мир, а потом дерьмового бога по своему образу и подобию.

– Да умолкнешь ты, наконец, окаянное чудовище?! – прямо посреди исповеди крикнул себе через левое плечо священник Акакий.

Хрупкая и вся трясущаяся под покровом баба Дуся крайне удивилась, что её рассказ о том, как она непреднамеренно своровала исподнее у соседки Нюры и проходила в нём неделю, был прерван. И она, резко выпрямилась во весь рост,

хрустнув всеми двести двадцатью четырьмя костями, вытаращила глаза и широко раскрыла свой беззубый рот.

– Именем господа нашего Иисуса Христа, приказываю тебе – изыди! – и Акакий, совсем позабыв о бабе Дуси, начал горстями разбрызгивать вокруг себя святую воду.

Баба Дуся, решив, что всё в порядке и что это сигнал, чтобы продолжать, снова согнулась буквой «Г» и продолжила свою печальную сагу о труханах.

В «Пысяриках», конечно же, замечали странности священника Акакия: он часто с неким воображаемым собеседником вёл экспрессивные философские дебаты вслух, при этом активно жестикулировал, топал ногами, размахивал библией. Но жители его любили – он был у них один на всё село.

При всех своих странностях, он был добрый, отзывчивый, честный, трудолюбивый. В какой момент Акакий обзавёлся Редиской, он точно не помнил. Но возможно первое семя сомнений было посеяно, когда он, в десятый раз перечитывая «Ветхий Завет», поймал себя на неожиданной мысли от осознания идейной нестыковки:

– То есть просто так взять и забить насмерть человека за то, что он в священную субботу собирал дрова? Бог приказал! А ещё ведь заповедовал – не убий! Лабудень какая-то! – и тут же ужаснулся собственной мысли.

– Господи прости меня грешного! Я покорный раб твой Акакий из села «Пысярики» молю тебя... – но его мысли

снова унеслись в аналитическую стезю.

– Господь Саваоф... Поддерживал евреев в их войнах. А война подразумевает убийство.... Но если с богом, то значит можно? Но ведь сказано – не убий! Тьфу ты, редиска!

Годы шли, а Редиска всё рос, и голос его становился всё громче и авторитетнее. Даже слишком громким, чтобы Акакий мог продолжать довольствоваться узостью и ограниченностью священных писаний.

– Греха не существует!

– Боже упаси! Но.... Обоснуй, Редиска!

– Смотри, дорогой Акакий. Вот у вас в христианстве типа нет реинкарнации. Значит, те стартовые данные, с которыми рождается человек – они не кармически заслуженные, а богом данные.

– Так, – начал улавливать мысль Редиски Акакий. Он уже был не тот карикатурный священник, что несколько лет назад. Он основательно расширил свой теологический кругозор и с удовольствием вёл беседы с Редиской.

– Значит, если не будучи ответственным ни за генетику, ни за семью, ни за условия взросления, ни за политическую ситуацию – приходится делать нехорошие вещи из-за общечеловеческой привычки выживать, значит ты должен быть наказан?

– Да, конечно! Сказано же – не укради, не убий.

– Сказано, то сказано. Но получается, что бог сам создаёт человеку ситуации, из которых выйти, не запачкавшись,

невозможно. А потом ещё и насылает наказания. Странно, да?

– Хм... Действительно странно. А знаешь, что ещё странно? В Коране сказано: «Аллах ведает всё, что было, есть и будет». Но, тем не менее, он наделил человека свободой воли и решил его проверить! Как будто он, блядь, не знает, что это его высшее создание со свободой воли натворит!

– Воу-воу-воу! Акакий, я не узнаю тебя! Ещё недавно от любой здоровой мысли ты начинал креститься и молиться, а теперь своим бескомпромиссным критическим мышлением припечатываешь и меня! Скоро я тебе уже и не понадобится! Моя работа тут практически завершена.

– То есть как? Ты уйдёшь?

– Сказать по-честному, дорогой Акакий, меня здесь никогда и не было. Я скорее голос твоего здравого смысла, заглушённый условностями. И у каждого есть этот голос. У каждого есть своя «редиска»! И твоя задача донести это до людей. Прекращай им врать про рай, про ад. Ты же ничего на самом деле не знаешь о том, что будет после смерти. И вообще бог ли за всем этим стоит или нечто, выдающее себя за него?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Почитай Кастанеду, Трансерфинг Реальности, Хохот Шамана, Душа на завтрак, Тибетскую книгу мёртвых, Один шаг в зазеркалье, Ламрим, Антона ЛаВея, Ницше. Думаю, после этого ты сможешь сказать мне намного больше, чем я

тебе.

Время шло, Акакий читал, анализировал, сомневался, прикидывал, наблюдал. Всё меньше ему хотелось исполнять обязанности священника, не говоря уже о том, что свой здоровенный позолоченный крест он забросил за шкаф и уже не надевал. Вспомнилось Акакию, как в мучениях умирала его жена. Будучи всю жизнь скромной и добродушной женщиной, под конец жизни она подхватила такую онкологию, что без внушительной суммы справиться с таким несчастьем можно было бы только с божьей помощью. Которая не пришла. И странно – жили в экологичных условиях, в простоте, посте и молитве. С чего бы вдруг? Али сглазил кто?

– «Подайте ради Христа»! – странно звучит, да Редиска?

Но Редиска не отвечал. Он не отвечал уже, быть может, несколько недель. Но Акакия это, казалось, вообще не беспокоило.

– Подайте ради еврея, который умер за грехи других евреев две тыщи лет назад! – и Акакий залился истеричным хохотом, сидя в одиночестве в своей опочивальне.

Проповеди, которые вёл Акакий, становились всё страннее и страннее от раза к разу. Но прихожане не обращали, или не хотели обращать внимание на это:

– Не здесь ли я, чтобы эксплуатировать ваше чувство экзистенциальной вины? Спрашивается, а кому это надобно? Не истинным ли правителями мира? Мы лишь подножный корм для нелюдей, убаюканные СМИ и теологическими

бреднями и домыслами!

– Да, да! Конечно! – бабульки и другие «недалёкие» жители «Пысяриков», сидевшие в первых рядах, энергично поддакивали, не особо вникая в смысл сказанного священником.

– Переселение душ доказано косвенным путём. Но вот причина возвращения в этот мир – это вопрос! Исправить ошибки, которые мы даже не помним? Но разве бывает опыт без ошибок? Значит, мы будем возвращаться в эту круговорот страданий вечно? Не это ли ад? Какой ещё ад может быть, как не этот?! Или пока что-то внутри нас себя не превзойдёт? Ощущение того, что мы являемся тварями божьими, но не им самим, разобщённым в бессчётном количестве человеческих жизней?!

У Акакия в голове уже давно всё перемешалось. И он упивался своей якобы ясностью понимания всеобщего экзистенциального кошмара.

– Вы пришли, чтобы я убаюкал вас сладенькими речами про царство небесное? Потому что вы все такие хорошие – никого не убили и ничего не украли? Но мне-то это откуда знать? Я такой же болтун и врунишка, как все остальные религиозные деятели! Да! Редиска бы гордился мной!

В «Пысяриках» поползли ленивые слухи, что Акакий тронулся умом. В основном думали, что от горя. Его жена очень мучилась при смерти. А Акакий только и мог, что брызгать святой водичкой и читать ей вслух её любимые выдержки из

Нового Завета. Он самостоятельно вырыл ей могилку на старом деревенском кладбище и похоронил её.

– Бла-бла-бла Библия, у тю-тю, грехи! Муха-ха, погодите ещё! Вжух! Как жахнет! И где вы? На суде! Ахаха! За каждый вздох и пук! Самолюбование человеческое! А всё от чего? Изначальная агрессивность окружающей среды! Первобытные обезьяно-люди просто не могли и подумать, что это их дом, их мир! Вечно нависшая смертью беспощадная стихия! Но мы выжили! Мы победили! С божьей помощью! Драконы отказывались от своих сокровищ, короли снимали короны, старики уступали дорогу молодым! РПЦ – это тот же дракон! Сложные бизнес схемы!

Прихожане в этот раз слушали проповедь просто все в откровенном ужасе! И всё же что-то удерживало их и от комментариев и от того, чтобы просто уйти. И их можно было понять: скучная и размеренная деревенская жизнь идёт, идёт – и тут такое! Священник спятил!

– Один раз – не ганджубас! Яхве, Джа, Иегова, я! Такая реальная и стабильная картина мира висит на волоске! Чуть изменил химию мозга – и реальность уже не та! И ещё больше реальная, чем эта реальная реальность! Я могу с таким же успехом понаписать священных писаний! О, эта безудержная плоть! Разве враг она мой?! Нина Степановна! Вы так восхитительны! Мечтаю о вас! Блаженство – это не быть! Я – это космическая тюрьма! Нам всем выдали по камню «я» и швырнули в бурный водоворот! И вместо того, чтобы угре-

бать – мы держимся за свой тянувший на дно камень! Такие перемены грядут!

Баба Дуся, случайно оказавшаяся самой смелой, подошла к Акакию, взяла его за плечо и сказала скрипучим голосом:

– Акакушка, милый, успокойся! Зинаида не вернётся, отпусти её и бога не гневи. Нам всем её не хватает! Давай вместе помолимся за душу её и твою, и чтобы бог вас воссоединил, будь на то воля его.

Акакий был ошарашен. Он сел и зарыдал навзрыд. Долгие годы он сдерживал свои горькие слёзы, не смея сетовать на божью волю. Все прихожане, вооружившись своими носовыми платками, плакали вместе с ним. Это всем здорово напомнило, что им приходится вместе выживать буквально у чёрта на куличках, полагаться только друг на друга и всевышнего, их общие горести и радости, любовь к своей русской земле.

– Редиска, окаянное чудовище, до чего ты меня довёл? – между всхлипами кое-как пробурчал себе под нос Акакий.

– Твоё имя на древнегреческом означает – «не плохой, не злой». Но, хороший ли ты? – раздался вдруг голос в голове у Акакия.

– Вернулся! Небось, сейчас начнёшь потешаться над старым несчастным Акакием?

– Это необходимый коллапс. Ты в полном дерьме. Теперь насри в алтарь и уходи.

– Чего?!

- Срать не хочешь? Ну, обоссы и подожги.
- Ты чего такое говоришь, Люциферова кочерыжка?!
- Нормально, нормально. Жить будешь.
- Да как мне дальше-то жить?
- Ну... знаешь как китайцы говорят – лягушка сидит в своём пруду, и думает, что уже поняла всё, но никогда не видела океана... или как?
- Не старайся болотной лягушке рассказывать об океане?
- Да! Вот! Не будь, короче, болотной лягушкой. Двигай давай.
- Куда!?
- К океану, Акакий!

Как я снимал проститутку.

2009 год. Начало лета.

- Алло, здравствуйте, а это вы оказываете интим-услуги?
- Здравствуйте, да, – отвечает мне вежливый женский голос. Я попытался прикрепить его к изображению чудесного обнажённого женского тела в анкете на сайте интим-услуг, и получилось очень даже! Прямо богиня!
- Э..., – а что мне вообще сказать-то надо? «Собрался вот вас трахнуть...», – ммм... нет. – Э... Хотелось бы воспользоваться вашей интим услугой. Сегодня, – кое-как выдавливаю из себя я.
- Хорошо, – прямо-таки ободряюще ответила женщина в

трубке.

– На какое время у вас есть время? Нужен ровно час!

– А на какое время вы хотите?

– На 15-00 можно? До 16-00.

– Можно.

Таганская. Улица Малые Каменщики, блатные многоэтажные дома. И в одном из них мне дадут! Добираюсь до нужного дома и подъезда. Несколько минут сижу и продумываю план побега с шестого этажа в случае, если там не дама, а бандюки. Звоню на всякий случай ещё раз богине с интим-сайта:

– Здравствуйте, я у подъезда, меня кто-нибудь встретит?

– Нет, заходи сам.

Поднимаюсь на шестой этаж. Нахожу нужную квартиру, звоню в дверь. Мне открывает женщина средних лет в очках, полноватая. И говорит со мной голосом, совершенно непохожим на тот, с которым я говорил только что.

– Привет, привет! Заходи!

– Стоп! А где та красotka с сайта?

– Да заходи ты уже давай, – толстушка хватается меня за руку и утягивает в квартиру.

В тёмной прихожей, помимо меня и очкастой толстушки, появляется ещё одна женщина. Обе в майках и трусах.

– Ну, выбирай! – говорит мне толстушка.

Что ж, у меня был выбор между Болеком и Лёлеком, Кр-жемеликом и Вахмуркой, Реном и Стимпи, Астериксом и

Обеликсом, Тимоном и Пумбой – ту, что потолще, или ту, что потоньше. Та, что была потоньше была блондинкой и какой-то доходягой, и я решил, что выгоднее брать толстую за те же деньги.

– Оплату вперёд давай.

– Тысяча четыреста за час?

– Да. Там вон душ, иди подмойся. А то минет делать не стану, если вонять будет.

Стоя под душем, я понимаю, что не понял, что именно она имела в виду. Помыться? Подмыться? Ну, наверное, надо целиком. Из вежливости.

– Ты что там так долго? – спустя несколько минут моих водных процедур зовёт меня толстушка.

– Ааа?

– Ты что, целиком мыться полез? – она зашла ко мне в ванную, и неподдельно удивившись, залилась хриплым прокуренным смехом, – иди давай в постель уже!

Я прохожу в специальную «трахательную комнату»: огромная пятиспальная кровать с леопардовыми простынями, шкаф с зеркалом и тумбочка, наполненная гандонами. Смотрю на уже готовую к профессиональному коитусу голенькую толстушку: ну... такое себе. Если только очень захотеть.

Подхожу к кровати, изо всех сил соблазнительно смотрю на даму. Прыгаю на кровать, в полёте умудряюсь сорвать с себя трусы, и смачно приземляюсь на бок, растопырив ноги

и заложив одну руку за голову.

– Девственник, да? – профессиональным тоном заявляет она.

– Эээ... да. А как ты догадалась?

– Мужчины так себя не ведут.

Она легла рядом и вместо секса начала просто со мной разговаривать:

– Зачем тебе дреды? А у тебя девушки нет, что ль? Как это ты в армии не служил? Сигаретку принести?

– Эээ... А это самое-то успеем?

– Да, конечно! – пофигистически отмахивается она.

Ну, надо отдать должное – разговор получился интересный: она изначально начала проститутствовать, чтобы собрать деньги ребёнку на операцию, а потом продолжила совершенствоваться в своём ремесле, так как работы в офисах ей не понравились. Она с благоговением заявила, что жена «крапового берета», но он, конечно, про её профессиональную деятельность ничего не знает. Потом очень забавно стала агитировать меня присоединиться к вооружённым силам Российской Федерации:

– А ты чего служить не идёшь? Здоровья нет? Похую – взятку им дай, чтобы служить взяли! И побольше дай, чтобы подальше от мамки забрали! А лучше в спецназ на горячую точку сразу! Пройдешь это всё – настоящим мужиком станешь! Девчонки будут тебя видеть и пisaćь сразу!

– Чего?

– От твоего вида все девчонки сразу обоссываться будут!

Языком она чесала хорошо, а потому спонтанно разразившиеся оральные ласки зажгли во мне страсть и разбудили зверя. Пытаясь отогнать мысли о том, сколько же членов побывало у неё во рту и вообще в ней, я сказал:

– Пора, ложись, раздвигайся!

Начав напевать, не попадая ни в одну ноту: «*Inthejungle, themightyjungle, thelionsleepstonight*»! – я стал почётным сто пятьдесят тысяч миллионным членом храма «Порнаса Вульвы». А жрица любви обхватила меня своими мясистыми ляжками и начала артистично кричать и стонать, словно хоть что-то почувствовала. В этот момент я подумал: «Что, всё? Я больше не девственник? Ммм... неплохо»!

Так как в песне «Авимбавэ» был ещё второй куплет, который я вспомнить не смог, мне, чтобы внести ритмическое и стилистическое разнообразие, пришлось практически процитировать дядю Юру: «Встань к лесу передом, а ко мне задом и немного наклонись»! Так она и сделала, ведь это входило в базовый тариф «Лол инклюзив».

Тут началось самое интересное: доселе ощущая, что я словно бы кидаю сосиску в коридор, я вдруг почувствовал захват, усасывание, плен! Закралось страшное подозрение, что я... промахнулся входом! И в этот момент меня охватила паника: мне очень не хотелось оставаться одному, мне очень хотелось, чтобы хоть кто-то, кто уже там был, хоть как-нибудь меня мог поддержать и проинструктировать.

– Приём, штаб! Я в жопе! Что дальше?

– Вас понял! Высылаем учебные материалы!

Но в тот момент у меня не оказалось под рукой ничего, кроме знатно обкатанных полупопий, и, не смотря на общий «Авимбавэшный» вайб, этот секс оказался не крутым. Я не кончил. Я. НЕ. КОНЧИЛ.

Минут пятнадцать она пыталась вновь пробудить во мне зверя и разжечь страсть, но в итоге сдалась и сказала:

– Ну, извини. Я проститутка, а не богиня.

Мда... Одеваться, собираться, бежать...

– Полежим, побеседуем? Сигаретку принести? – и она, не дожидаясь моего ответа, весело защёлкала своими могучими полупопиями на кухню, чтобы стрельнуть табачку у своего охранника.

– Ты больше к проституткам не ходи, – говорит она мне, протягивая сигарету, – девушку себе нормальную найди и трахай её одну. Но обязательно предохраняйся, хотя бы первые полгода!

– Ага...

– Но ты не переживай, у меня были случаи и похуже! Знаешь, сколько через меня девственников прошло? Ууу! Один дёргаться на мне начал, другой облизывать полез, аж охрану пришлось звать.

– Ого! Ха-ха!

– А вот, кстати, фотографии моего мужа – смотри! Не мужик, а зверь! И ты будешь таким же! От мамки только ско-

рей в спецназ уходи!

Её нелепая военно-служебная агитация продолжалась ещё какое-то время. Я с ней не спорил, даже ничего не отвечал. Вдруг она как-то испытывающе, даже безглаголиво посмотрела на меня, словно отключившись от режима тактильно-шаловливого гостеприимства, и произнесла:

– Время вышло. Тебе пора. Прощай.

Огоньки на берегу Тьмы.

Июль-август 2023 года.

– Эй, ты чо, заднеприводный что ль?

Я мирно сидел на автовокзале в Твери, приторно предвкушая своё около-хиппиевское лесное приключение, как вдруг местное поднажравшее быдло что-то о себе возомнило и решило меня встряхнуть на предмет зассанства в лучших традициях «золотой» молодёжи девяностых.

– Чего? – лениво спросил я, хотя внутри меня сразу случился всплеск любопытства и потихоньку начал подкипать адреналин.

– Волосы чо у тебя такие длинные? Ты из этих что ль?

– Из кого?

– Ты, бля, точно не местный! Ты, бля, откуда?

– Из Москвы.

– Вы там все гомики, что ль?

– В Москве больше десяти миллионов человек – это

невозможно!

– Ты тут чо забыл? Куда собрался?

– В лес...

– Ага... А борода тебе нахуя?

– Усилить мужественность моего подбородка?

– Прффф...

Так случилось, что мы ждали одного автобуса, и соответственно часть пути в Тверскую область проделали вместе. И более того – этот прекрасный человек сел рядом со мной. Общение с ним сделало этот полуторачасовой путь просто потрясающим! Первые полчаса я в основном изо всех сил отказывался от водки.

– На вот – держи! Выпей ты, бя! Не мужик, что ль?

– Разве мужик это не тот, который делает, чего сам решит нужным?

– Чего? Да все мужики пьют! Выпей, бя!

– Нет.

– Понятно всё с вами, москвичами. Все вы гомики волосатые, да и не пьют ещё.

Я молчу. Бесполезно спорить. Мы в слишком разных... системах ценностей?

– Вот если бы мы были сейчас не в автобусе, я бы тебя рубанул, отвечаю! – не унимался мой пристававший тверской приятель.

– Да я тебя сейчас сам тут рубану при всех! – сам удивившись себе, вспылil я.

«Приставучий» очень удивился и отпрянул, словно готовясь к моему нападению. И я, не теряя ни секунды, молниеносно сунул руку в чехол с банджо, достал оттуда губную гармошку и начал на весь автобус играть что-то около-блюзовое в стиле макаронных вестернов.

Вы бы видели, как изменилось его лицо! Множество неопишуемых метаморфоз прокатились весёлыми барашками лицевых волн, сформировав то, что являлось прямым доказательством победы в этой битве: пьянчуге стало весело, и он улыбался искренней дружеской жизнерадостной улыбкой.

Однако по салону автобуса начали разноситься недовольные возгласы пассажиров:

- Ну хватит уже!
- Тихо ты!
- Голова сразу заболела!

Уловив волны коллективного негатива, направленные на меня, мой безуспешный спаиватель, к моему и всеобщему удивлению, вдруг встал на мою защиту:

– Э, а ну – тихо вы! Это мой братан! Отлично играет вообще!

Остаток пути мы провели настоящими друзьями. Он рассказал, как и за что сидел; когда и какие ягоды собирать в окрестных лесах; про культурную и бескультурную жизнь города Тверь. И очень удивлялся, что я не женат.

– Как так? Тебе сколько лет? И до сих пор жену не нашёл?

– Разве такую вещь как «жена» можно спрогнозировать?

– В смысле?

– Ну, ты разве как-то прямо нацелено – взял-пошёл и нашёл жену?

– Нет. Я бухой был на вписке, она подошла ко мне, за яйца прямо рукой схватила и говорит: «Ты мой»! А потом и поженились.

– Потрясающая история любви... Романтика прямо зашкаливает!

– Гы-гы-гы! А ты ничего мужик! Сначала думал, что из этих, а нормальный оказался!

Почти всю дорогу до места встречи на меня из-под кустов, ёлок и берёз просто бессовестно пялились всевозможные грибы, особенно пятнистые мудрецы с красными шляпками. Комары игриво попискивали, наворачивая круги вокруг моей головы, а периодически возникающее тёплое дыхание летнего ветерка ласково шелестело травкой и листочками, словно пытаюсь вогнать в некий транс: я есть в «сейчас», и сейчас я свободен, счастлив и полон сил.

– Сева! Добро пожаловать Домой! – раздаётся голос Маруси.

Не успел я дойти до места встречи ещё километра полтора, как уже встретил своих весёлых чумазых лесных братьев.

– Ну чего, как у вас обстановка? – поинтересовался я.

– Народу немного пока, ты восьмой – ответил Гриша.

– Так мало?

– И ничего не готово к тому, чтобы запускать «Радугу»: флага нет, общего костра нет, столов нет, кухни нет. Только вот «shit-pit» выкопали.

– А я когда вчера в «shit-pit» ходила – лосёнка увидела! – похвасталась Маруся.

– Ого, мы срём и живём бок о бок со зверюшками – классно!

Изучать новую местность, которая станет твоим Домом на ближайшие две недели – отдельное удовольствие. Первым делом – выяснить, где плавают, и найти хороший спуск к реке. Надо обязательно смыть с себя вайб Вавилона, да и вообще атмосферу грязного и быстрого города. Очиститься и замедлиться. Потом не спеша примеряться спиной и глазами к различным участкам земли, чтобы найти, где поставить палатку. Желательно на склоне, чтобы избежать образования луж под днищем. Ложишься так на спину на землю – примеряешься, думаешь: «Так, ну мне удобно – окей. А если рядом ещё какую-нибудь красотку положить, будет ли ей удобно? Или будет лежать на корягах, шишках и муравейниках? Хм... И красотке тут будет удобно – можно оставаться здесь»!

Вечером к нам восьмерым добавился Миша-Саксофонист. Мы собирались ехать вместе на одной электричке, но

он проспал и пообещал, что как только – так сразу. Было приятно, наконец, увидеть его фигуру, возвышающуюся на фоне поля в немного нелепо выглядящей для похода нарядной рубашке и ногами, замотанными в полиэтиленовые пакетики. В руке у него красовался здоровенный чехол с саксофоном, а лицо светилось воодушевлением – он смог! Не смотря ни на что – он добрался!

Когда небо укрыло нас своим бархатным тёмно-синим одеялом, а костёр остался единственной точкой отсчёта в этом необъятном природном пространстве, мы начали импровизировать. Я на банджо, Миша на саксофоне, а Ниден играл на гитаре... смычком! Более того – мы все настроились под 432 Гц. И этот джем получился очень космический и медитативный. Я бы сказал – открывающий! Отличное начало новой маленькой лесной жизни!

– Слушай, Ниден, а почему получается проще общаться с девушкой, если у неё имеются какие-нибудь откровенно пацанские привычки и предрасположенности? – вдруг разом вспомнив всех моих знакомых «томбоев», спросил я у него.

– Хм... – Ниден мечтательно улыбнулся, – ну, понимаешь... Девушка – это как бы целый неизведанный космос, непонятная неизвестная Вселенная. И ты не знаешь, что с этим делать, как к этому подступиться. А если видишь в девушке что-то свойственное тебе, то сразу становится понятно: «Ага, это тоже человек»! Как-то так...

– Ниден, да ты мудрец! – искренне проникся его ответом

Миша.

– Но это теоретически! – сам позабавленный своим ответом подытожил Ниден.

Дни шли, народу прибавлялось, и мы мало-помалу завершили все Радужные приготовления: срубили шест под флаг и вкопали его с флагом, оборудовали кострище для главного костра, кое-как оборудовали полевую кухню. Миша нашёл в лесу стрёмную корягу, изящно изъеденную жуками, и превратил её в прекрасный цветастый «Talking Stick». Я лично сколотил кривые и малофункциональные столы. Праздник жизни, мира и любви начинался и расцветал!

Среди новоприбывших была прикольная пара: Руслан и Динара. Руслан – весёлый немногословный профессиональный повар с укулеле, а вот Динара... Тут описать сложнее: тоже немногословная, тоже профессиональный повар. Лицо как будто бы постоянно выражало некую «добрую грусть», а небольшие прямоугольные татуировки на скулах, издавна напоминавшие застывшие слезы, неизбежно усиливали этот якобы грустный образ. Но самое интересное – это то, как она говорила. Ну, когда она говорила. Манера речи! Она словно добавляла в русский язык несуществующие в нём тона, отчасти как в японском или китайском языках, что практически гипнотизировало тебя, стоило её послушать со стороны или начать с ней разговор. Собственно, я пару раз безуспешно пытался её расколбасить своими историями, но безуспешно, потому и взаимодействовал с ней мало.

Как-то случилось, что мы сидели с ней на общей кухне, чистили картошку и резали кабачки. Овощей было много и я, чтобы так невзначай завести разговор, вслух заметил, что в нашем лесу больно часто встречаются красные мухоморы. К моему удивлению, глаза у неё вдруг загорелись, и она начала говорить много и обычно, почти перестав использовать всякие китайские и японские интонации. Она рассказала про свой brutальный путь «повурая» – достигнув в каком-либо ресторане всего, что только позиция «шефа» может предложить, она устраивалась в другой, более требовательный ресторан и специально просила тамошнего шефа её вообще не щадить и загружать по полной. Так она и оттачивала своё мастерство.

А когда она начала вещать про грибы и их важность на пути познания, я окончательно обалдел и моментально был завербован в ряды Грибабасов. То, что она вот так, ни с того ни сего, взяла и открылась – это было очень приятно!

– И самое главное, – говорила Динара, – грибы это твой проводник единения со Вселенной! В какой-то момент они помогут тебе понять, осознать, что ты не одинок, а связан со всем и со всеми. Что мы все – одна Семья. И ты часть этой Семьи. Когда я это прожила, я была невероятно счастлива! Я просто гуляла и пела: «Оммм»! И вся Вселенная со мной пела: «Оммм»!

Чем ближе приближалось полнолуние, тем больше народу съезжалось пожить в коллективно-коммунистической лес-

ной сказке: за три-четыре дня до полной луны общее количество хиппи-образных существ уверенно приближалось к сотне.

Как-то раз, когда самые лесные мужики ушли за дровами, мы с Мишей-Саксофонистом, став шеф-поварами друг для друга, остались варить суп. За закупкой уже несколько дней не ездили, и потому в ход пошли все остатки из общих закромов: картошка, кабачки, чечевица, зелень-укроп-петрушка, лесные грибы, бережно собранные лесными гуляками, морковка, лук, макароны, рис, капуста, сладкий перчик. Мы усиленно всё резали и пытались сварить вместе так, чтобы это было возможно безэксцессно употребить внутрь. Я пробовал, снова пробовал, потом пробовал опять – меня всё никак не устраивало. Я, на свой страх и риск, думал о супе, как об аранжировке, и хай-хэт, который я определил как «зелень», был недостаточно ярко выражен в данной супной композиции.

– Миша, мешай, чтобы не пригорело, а я пойду крапивы нарву.

– Чего?

– Чего, чего – хай-хэтдохлый!

После добавления молодой свеженарванной крапивы стало определённо лучше, но всё равно не хватало какой-то детали.

– А может нам добавить «буэгырэвыэа»? – поняв, что никаких продуктовых идей не осталось, спросил Мишу я,

гортанно прорычав последнее слово.

– Хорошая идея, но я бы предложил добавить «быгырвэ-вэва», – аналогично гортанно прорычал мне Миша в ответ.

Не размениваясь на мелочную и неустойчивую человеческую речь, мы стали друг на друга гортанно рычать, дабы прийти к консенсусу, касаясь продуктовых составляющих супа:

– Вэвэво ууурды? Аырдя!

– Бындырбэ!

– Ууу! Воо! Вавва!

– Ушарабэ! Вэвэ!

В какой-то момент нашего содержательного и глубоко-мысленного диалога мы одновременно поняли, чего в супе действительно не хватало – танцев и песен! Как по команде, мы прыгнули по разные стороны от кастрюли и начали брутально гортанно петь что-то нечленораздельное и выплясывать танцы первобытных папуасов вокруг неё.

– Эй, вы чего делаете? – только что искупавшаяся Маруся – голенькая, но с полотенцем на голове, была неподдельно удивлена нашим... процессом.

– Мы варим суп!

– Ха-ха! Ничего себе будет супчик!

– Ыыы!

– Ваэээ!

Но вдруг встал вопрос, который мы к своей вопиющей безалаберности, успешно проигнорировали: сколько класть

соли, сколько класть приправ? Мимо как раз проходил на вид уверенный в себе престарелый хиппи, и мы обратились за кулинарной мудростью к нему.

– Так-с... – начал он, – в кастрюле тридцать литров. Значит, вот столько, – и он отмерил примерно половину стакана смеси соли и всяких приправ.

– Спасибо!

Наш «мэтр специй» пошёл дальше по своим лесным делам, и я высыпал содержимое стакан в кастрюлю и помешал.

– Блин, островато получилось, – прокомментировал я суп, сняв с него пробу. А про себя подумал: «С насыщенностью перебор».

С напитком мы выпендриваться не стали и просто сделали двадцать литров каркаде. И вот обе кастрюли уже на кругу, а голодный народ собрался в ожидании новостей и яств.

– Повара на круг! – раздаются крики людей.

– Ну чего, Миш, – говорю я, – пойдём.

– Эх...

Мы вышли и стали перечислять собравшимся людям все ингредиенты супа, а когда дело дошло до секретных ингредиентов, то Миша не подвёл и вовремя подхватил тему:

– А ещё в супе есть «увэыва»!

– А так же «вэвауё»!

– И, конечно же, «уровыва»!

– Вы такие милые! – Тюня была искренне очарована нашим первобытным диалектом.

Мы раздали людям суп, и сели есть сами. Ну... такое себе. В принципе, с голодухи съесть можно. Рассматриваю трапезничающих людей, пытаюсь определить их гастрономический настрой: вроде едят, вроде не жалуются.

– Слава поварам! – вдруг разносятся крики людей.

– А добавки можно? – кому-то даже сильно понравилось.

– Миша! – поворачиваюсь я к своему блюдодельному коллеге, – это успех!

Так получилось, то «Main Fire» возник в семи метрах от моего лагеря, поэтому я засыпал под беседы и барабаны и просыпался под беседы и барабаны. В одно из таких добрых утр весёленькая дредастая Марьиванна, с которой до сего момента я был знаком только издалека, подошла ко мне и сказала:

– Слушай, я тут клеща у себя из шеи сзади вырвала, но есть ощущение, что башка осталась. Посмотри, пожалуйста, чего там? – и она повернулась ко мне спиной, отодвинув копну своих мощных локонов.

– Ну, – после непродолжительного осмотра места укуса говорю я, – кажется и голова осталась и лапка, может даже две...

– Ой, а вытащи, пожалуйста!

– Ну, просто так не вытащить. Я могу продезинфицировать иголку и пинцет, но придётся прямо ковырять-выковы-

ривать. Будет больно.

– О, по этому поводу не парься, я бывшая БДСМ-щица. Ты главное достань.

Несколько минут я ковырял ей шею аккуратно, но бескомпромиссно, даже вырвав с остатками клеща и пару кусочков мариванского мяса, и, надо отдать должное – она, как истинная БДСМ-щица, даже не пикнула.

– Спасибо тебе! Вот тебе немножко за помощь, – она обняла меня и отсыпала мне в ладонь несколько зелёных завитушек.

Я как никогда знал, что мне нужно сейчас делать и кого искать. И довольно скоро я нашёл его – вечно пребывающего на своей импровизационно-гедонистической волне и обладающего внушительным опытом лабораторных испытаний трав специального назначения.

– Коллега, у нас появились новые образцы для исследования! – говорю я Мише.

– Хм... очень интересно, позвольте взглянуть...

– Вот, пожалуйста, – и я показываю ему свою раскрытую ладонь с «образцами».

– Ага, ага... Как предпочитаете исследовать? Косячок, бульбик или может трубка?

– Исключительно на ваше профессиональное усмотрение.

– Прекрасно, тогда пойдёмте в лабораторию.

– Чего? Куда?

– Ну, ко мне в палатку! Правда, там осы завелись...

После крайне успешных лабораторных испытаний вопрос желания участия в коллективных лесных делах вообще не стоял, но вот адекватная оценка своей профпригодности и трудоспособности адекватной, в общем-то, не была.

– Сева, ты можешь помыть посуду? – окликнула меня Яна, когда я сам не зная, куда шёл, проходил мимо кухни.

– Конечно!

Ну, да – сказать проще, чем сделать... Так... тихонько, не спугнуть! Для мытья посуды нужна... эээ... Нужна вода. H_2O . Два атома водорода и один кислорода. Как же она такая получается? Сгустки эссенций... Электроны перемещаются на свободные орбитали... ага. Булочка с изюмом... Булочно-изюмное строение атома... Ух, ты лимончик! А это меня попросили или кого? Мыть посуду... Шкрябалка... Две... Кто первый? Блин, воды надо натаскать... А я одет? Что делать с ведром... Угу, гречку не доели...

– Сева, ты что укуренный? – Яна молча наблюдала за моими утрированно замедленными движениями и чересчур продолжительную оценку обстановки с напряжённым бубнением под нос.

– Да...

– Тогда лучше не мой.

Ища себе занятие достойное моего открытого и чуткого разума, я был пойман незнакомой девушкой на Общем Кругу. Она протянула мне лопату со словами:

– «Shit-pit» заполнен, нужно новый выкопать, справишь-

ся?

Так... Земля... копать... А в земле могут быть... сокровища! Я найду их, и всё достанется мне! Муха-ха!

– Конечно, я выкопаю новую «говнояму», о чём разговор!
– ответил я, принимая лопату из её рук.

А как правильно вообще копать такое важное общественное сооружение как «общая сральня»? Надо спросить у мудрых хиппи. Я быстро отыскал Гришу из «Пеньков» и выяснил тонкости процесса.

– «Shit-pit» собираешься копать? Ну, дело почётное! Старый закапываешь, новый копаешь рядом, но не слишком. Метрах в двух, а то обвалится всё. В длину метра два, в ширину, ну может, полметра.

В глубину – метра полтора.

Лопата вонзается в землю, голова ярко визуализирует пиастры и дублоны, не понятно по какой причине затерянные в тверских лесах – и никакая жара, конопля и мухи меня не остановят! Время вообще в лесу воспринимается и идёт странно. Вроде медленно, и в него столько событий и впечатлений влезает, и кажется, что очень быстро. Сколько я копал – два или три часа, я не понял. Но когда яма была готова, а сокровищ на её дне, к моему неподдельному удивлению, не оказалось – сокровище пришло откуда-то извне, как своеобразное посвящение в настоящего лесного хиппи: «Ты не был не Радуге, если не копал общую яму для говна»! Загадочный голос в голове ограничился только этой фразой и смолк. А я

копал, значит был! И духи Shit-pit'a это подтвердят!

Вечером у кухонного костра Маруся вдруг вспомнила, что мы с ней познакомились в её сне. Ей снилась африканская саванна. Там я к ней подошёл и спросил её имя. Она ответила: «Маша». Странно, но в тот период, когда ей это приснилось, я действительно путешествовал по Африке. Только и оставалось, что в который раз удивляться Вселенской взаимосвязи всего и вся.

Туман величественно ложился на спокойную гладь воды, ночные птички переговаривались то ли с нами, то ли друг с другом, а мы сидели с Марусей в обнимку на берегу и молчали. Я наслаждался внутренней тишиной, теплом её тела и нежностью её объятий. Нечего говорить, некуда спешить, не надо ничего делать. Только чистое незамутнённое созерцание.

– Ты чего такой вайбовый, а? – Маруся наигранно отпрянула и легонько стукнула меня кулаком в плечо. Хм, кажется, я ей нравлюсь.

Есть Радужные принципы, которые практически всегда работают безотказно. Например, если поставить воду для чая на огонь и сильно подумать об интересном собеседнике, то он обязательно появится. И, стоило мне в одно из добрых утр поставить воду на огонь, интересный собеседник объявился почти сразу. Им оказалась симпатичная девушка эзо-

терического вида: пронзительный и глубокий взгляд, в этнической одежде, вся увешанная всякими амулетами, оберегами и фенечками.

– Привет! Пуэрчику?

– Давай! А у тебя какая дата рождения?

– Что? А зачем?

– Я тебя сейчас по Маянскому календарю посчитаю.

– Ого! – и я назвал ей дату своего рождения, а затем наблюдал, как на её волевое лицо плавно напозла лёгкая тень раздумий, а потом так же плавно растворялась, пока она проводила свои калькуляционные процессы.

– Ты Жёлтый Ритмический Человек, – через пару минут сказала мне она.

– Жёлтый Ритмический человек? А что это значит?

– Вот, почитай, – и она передала мне здоровенную книгу, полную всяких эзотерических непонятностей.

– Свободная воля, мудрость, влияние, – начинаю читать я вслух, – осознание первоначального равенства с другими людьми... Так... Пребывай в вечном «здесь и сейчас»... Навсегда оставить позади низшие кармические миры... Суждение выбивает из равновесия... Убрать в ножны меч суждений... Раз за разом приходить на землю, чтобы оттачивать своё мастерство... Совершенство – это выражение высших энергий... Ага... Интересно. А что мне со всем этим делать?

– Если бы я сама знала, – усмехнулась Саша, – да, эзотерическую девушку звали Сашей. Я по приколу стал звать её

«братан-Санёк», а она меня «Сева-сеструха».

Я ещё немного, уже молча и внимательно, почитал описание «Жёлтого Ритмического Человека» и многое в книге моей судьбы не слишком резонировало со мной: оказывается, я должен стать экстрасенсом, принимать послания от Духа, а потом вещать это людям. Мда...

– А ты Гошу дредастого знаешь? У которого горловое пение такое классное? – прервала мои размышления «братан-Санёк».

– А, да. Но как-то мимоходом. Не сдружился, не затусил ещё.

– Вот он – «Красная Планетарная Луна». Практически полная твоя противоположность. Тебе надо будет с ним по-пробовать какие-то точки взаимодействия найти. Потому что вместе вы сможете сильно опыт друг друга обогатить и вообще...

– Отжечь? Задать жару? Разнести тут всё в мясо?

– Ну да, ха-ха!

На вечернем общем собрании я встретил Мишу в... женском платье. Он игриво и кокетливо подошёл ко мне, сильно утрируя грациозность и лёгкость телодвижений, и, соблазнительно моргая глазками, глухим фальцетом сказал:

– Сева! Накорми меня! – и выжидающе стал дугообразно водить носком по земле, теребя руками складки платья.

– Так ты видишь женщин?! Голодными обольстительницами!?

– Это ещё что, – подключился к веселью Коля Модест, – ты бы видел, какую он истерику закатил, когда я предложил ему возлечь со мной за банку фасоли...

Следующее доброе утро началось с очень доброго знака: ко мне подошла голая и симпатичная, немного толстенькая дредастая девушка и полезла обниматься. Несколько мгновений крепких неловких объятий было достаточно, чтобы настроиться на основательный ознакомительный диалог:

– Какие у тебя дредики весёленькие! – продолжая обнимать красотку, прошептал ей на ухо я.

– Спасибо! У меня мухоморы есть! Тебе принести? Отсыпать? – прошептала в ответ она.

– Неси! Сыпь!

На утреннем собрании поднялся вопрос о труднопроходимости дороги для неполноприводных автомобилей в виду присутствия на ней глубокой лужи. А соответственно и сложности подвоза продуктов на общую кухню. Этот вопрос собирался решать житель стоянки «Глушь» – большой зелёной типухи в десяти-пятнадцати метрах от моего лагеря на границе леса и полей, куда я особо не ходил, так как чувствовал оттуда какой-то интровертный вайб. Но добровольцем почему-то вызвался и, одолжив общественный топор, вместе с Владиславом отправился устранять лужу.

Владислав напоминал и взвешенной неторопливой речью, и плавностью движений, и вообще внешностью – умудрённого, едва начавшего стареть китайского мастера, правда, двух-

метрового. Когда лужа предстала перед нами во всём своём грязно-слякотном великолепии, мы решили так: Владислав лопатой выкапывает канавки для отвода воды, а я рублю сухие деревья и забрасываю ими лужу. А она была глубокой – чуть выше колена или чуть ниже. Спустя часа полтора-два наших трудов у нас появилась возможность протестировать возможное облегчение луже-проходимости: какой-то местный «УАЗ» ехал прямо через лужу. Хотя мы и со стороны видели, как надрывается могучий русский внедорожник, но для полной уверенности я всё же спросил у водителя:

– Ну как? Нормально идёт?

– Да хуй там – нормально! Чуть не увязли!

И вот мы стоим со Славой грязные, смотрим на разбросанные пробуксовкой палки и на то, как лужа снова начинает наполняться водой из неизвестного источника или ручейка. Слава садится на придорожный камень, забивает трубочку. Сперва нейтрально смотрит на грязевого меня, потом уже оценивающе смотрит на уже вновь заполнившуюся лужу и произносит:

– В пизду...

Я воспользовался советом эзотерического братана-Санька и пошёл на семинар по горловому пению к дредастому Гоше. Помимо подробных объяснений и показательных примеров, эффективности семинара ещё и поспособствовало, что

у Гоши с собой был рекордер с функцией мониторинга в реальном времени и наушники: то есть ты рычал и слышал себя с небольшой задержкой, и прямо в процессе мог себя сам корректировать.

– Смотрите... упираете кончик языка в нёбо и пытаетесь через звуки: «Ль-ль-ль-лю-лю-лю», – достичь в вашем голосе характерных высоких вибраций.

Пробую, пробую... Ль-ль-ль-лю-лю-лю... Не получается. Беру рекордер, одеваю наушники, пробую. Ага... ага... вот... Вот так! Ничего себе – получилось!

– Сева!

– Миша!

– Дождь начинается!

– Меня угостили мухоморной пылью!

– Предлагаешь подробно её изучить?

– А то!

Сидим у меня под навесом, смешали мухоморную пыль с шэн пуэром. Ждём. А сколько ждать-то?

– Вот Лёша из «Происшествия» шарит – в некоторых моментах даже лучше меня понимает, как мне ему на саксе подыграть. А вот Настя из «Внезапно», не очень понимаю, чего вообще от меня хотела. Говорит такая: «Ты слишком джазово играешь. Пока прервёмся».

– Хм... – мне вдруг вспомнилась любопытная вещь, – помнишь, на пикнике последнем ты мне подыграл ту песню в до миноре?

– Ну, может быть...

– Я потом видеозапись посмотрел, и смотри, какая интересная ситуация получается: ты как бы и в ритме и в гармонии, и твоя партия саксофона сама по себе звучит, но на атмосферу песни она не работает. Если бы ты знал, что песня постапокалиптическая, то ты бы играл по-другому.

– Хм...

Мы выпили по пол-литра мухоморного пуэра и стали ждать. Прошёл час – ничего. Обсудили полимодальность, кончился дождь и стемнело. Всё ещё никакого эффекта. У кухонного костра с трудом узнал в одежде свою утреннюю мухоморную фею, начал выяснять, что мы сделали не так.

– Ты на какой объем развёл?

– На литр, как ты и сказала.

– А сколько настаивали?

– Надо было настаивать?

– Хотя бы час.

– А у нас внутри оно само не настоится?

– Хи-хи-хи, не знаю!

Сначала вечер у кухонного костра обещал быть спокойным и медитативным, там, с чаями и рассказами о далёких землях, но вдруг объявился Вавá – весёлый бородатый дядька в идеальной чёрной панаме, – и говорит раскатистым басом:

– Сева, Миша, Маруся. Пройдёмте в «Котяточную».

«Котяточной» оказалось лично изобретённое Вавой про-

странство, состоящее из огромного матраса, навеса от дождя и множественных светящихся гирлянд. Он нам по пути объяснил, что фишка погружения – отказаться на время от человеческой речи вообще, а общаться и взаимодействовать исключительно по-кошачьи.

Темнота – только гирлянды, да звёзды. Сидим – урчим, перемяукиваемся. С полей поблизости очень грациозно и гипнотически подкрадывается густой туман. О чём мы мяукали, я не очень понял, но вот на всепоглощающую притягательность сегодняшнего тумана очень захотелось указать ребятам. Но у меня просто не было необходимого количества интонаций «мяу», чтобы выразить всю глубину погружения в это неопознанное через... «мяу».

– Мяу-мяу-мяу! Мьяяя! Мья! – мяукаю в восхищении я. Блин, да я просто кот-дебил.

Вава – главный котяра, кажется, меня понял и быстро забил трубочку травами специального назначения и передал мне. Что ж, глубокая затяжка – и трубка идет по кругу. Несколько минут – и каждое «мяу» становится понятным. Маруся лезет целоваться ко мне, потом к Мише, потом делает Ваве массаж. По вполне определённым характеру извлекаемых «мяу» и вообще по общему вайбу на матрасе, я неловко осознаю, что вот-вот начнётся «четверничок». Втроём скрестить свои шпигруты над одной дамой – так далеко выходить из зоны комфорта я не готов, и, наверное, не выйду никогда. Поэтому я коротко говорю своё прощаль-

ное «мяу» и отправляюсь смотреть во сне свои укуренные мультики.

Большую часть ночи трава, вместо того, чтобы показывать мне мультики, пробуждает у меня в голове какую-то говённую субличность, которая всю ночь меня чморит. Ближе к рассвету немного разбитый я пошёл на зов Гриши на легендарную стоянку Радужных алкоголиков – «Пеньки». Сразу бросилась в глаза хаотичная разбросанность и неорганизованность вещей.

– Вчера Маруся грустная пришла, попросила налить ей выпить. Потом ещё. Потом ещё. И в итоге весь лагерь мне заблевала, – рассказал Гриша.

Ближе к полудню я, Маруся и её brutальное похмелье поехали в ближайший населённый пункт с «Пятёрочкой» на мини-закупку. Сначала мне показалось, что это отличная возможность узнать её вне лесных сходов и приключений, но по ходу беседы и в моменты молчания мне стало понятно, что весь этот личностный интерес генерирует затяжное послевкусие её вчерашнего укуренного поцелуйчика.

Мы ждали автобуса около часа, обсуждали всякое походное снаряжение. Она взяла в местном сельпо ломоть сала и периодически то его посасывала, то прикладывала к гудящей больной голове.

– А чего это ты ушёл-то вчера? – спросила Маруся.

– Да как-то э... «четверничок», показалось, что вот-вот начнётся... и ушёл.

– Не стал бы участвовать?

– Неа.

– Хм... Я так чего-то расстроилась, что ты ушёл. После этого вообще ничего не помню. Миша тоже, вроде, ушёл потом. Может быть, я с Вавой переспала...

Мы вернулись с закупки в самый эпицентр беспощадного дневного зноя, и единственными вариантами спасения были: речка, уйти поглубже в лес и безделье. Речка, как и вода в ней, была потрясающая, а вот безделье настигло меня не в самой привычной концепции – я сел играть в настольную игру. Лёжа на земле.

Умиротворённый Радужный толстячок тоже попал под раздачу знойного владыки Бельфегора и предложил мне сыграть во «Вспомнить всё» по мотивам мультика «Рик и Морти». Радуга во многом интересна тем, что на ней мирно взаимодействуют люди совершенно различных взглядов, в том числе и различных теологических. То что у нас с умиротворённым толстячком разные взгляды я понял, когда он резко изменился в лице и в своём умиротворённом состоянии, после того как я убил осу. Жужжащая тварь то и дело норвила меня укусить, и я сначала нокаутировал её панамой, а затем добил палкой.

– Зачем ты это сделал?

– Ты что, не в курсе? Оса – это природное муило.

– Ты только что убийством живого существа отнял у себя несколько лет жизни.

– Ну, это к лучшему. Оса выбрала свою судьбу, намереваясь причинить мне боль, и я выбрал свою.

– Ты бы мог потратить эти годы на различные практики.

– Да откуда ты вообще знаешь, как чего кармически в точности работает? Может время воплощения этой осы подошло к концу, и что-то должно было её освободить?

Толстячок только молча отвёл взгляд и презрительно усмехнулся.

Вечер. Спонтанный джем около кухонного костра. Неизбежная пауза, заполненная тишиной, когда всё что хотелось сказать музыкальными инструментами – уже сказано. Ко мне подсаживается Гриша из «Пеньков» и говорит:

– Маруся у меня презерватив заходила одолжить.

– А?

– Помнишь того чернявенького, который на велосипеде сегодня приехал?

– Ну...

– Он без палатки был, искал к кому бы вписаться. И Маруся его приютила.

– Ну и?

– Странно, что она выбрала не тебя, а этого прыщавого...

Тут до меня доходит, я чувствую неожиданную колкость ревности и трупы бабочек внутри живота. «Странно, что она выбрала не тебя... Странно. Что? Она выбрала не тебя», –

эхом проносятся у меня в голове слова Гриши. Почему меня вообще это волнует? Это она вообще-то ко мне подкатывала все эти дни! Пока я методично высматривал себе идеальную толстушку...

– Вот так... – понимающе подытожил Гриша. Он был мудрый мужик, и никакие мои внутренние переживания от него не скрылись.

Этой ночью уже без всякой травы посреди полусна в моей голове объявилась моя говённая субличность и беспощадно меня чморила. Утром я наблюдал, как эти двое обнимаются, и чувствовал себя как-то неуютно. К счастью, Пространство мудро распорядилось так, чтобы я переключился с хреновых дум на утренний brutальный чай в brutальной мужской компании. Но как-то обдумать это было всё равно надо, и я ушёл думать в поле.

– Чего тебе от неё надо? – спрашиваю я сам себя, развалившись на слегка заросшей автомобильной колее в полях.

– Да, в общем-то – ничего, – отвечаю я сам себе.

– Ага, поэтому ты сейчас сам с собой трындишь в поле...

– Ну, смотри – она со мной легонько заигрывала, слегка флиртвала, и я наивно решил, что всё «на мази» и само и само как-то произойдёт... А тут раз – сюрпрайз и два – сюрпрайз.

– А как же толстушки?

– Точно! Как я мог предать свою мечту!

– Так встань и найди свою идеальную толстушку!

На общей кухне я понял две вещи: мне всё ещё неуютно в присутствии этих двух, и то, что на кухне нет дров. Отличный повод тут не присутствовать. Я взял топор и ушёл в лес.

Часа два я яростно махал топором, срубил и порубил несколько сухих деревьев. В каждый удар я вкладывал всю имеющуюся в наличии ненависть к себе, к бессмысленной заикленности проживания «лоховских сценариев», к комам и слепням.

– Всё, хватит юлить, давай признавайся, она тебе нравится или нет? – устало развалившись на куче дров, спросил я вдруг сам себя.

– Ладно, ладно – отвали. Нравится – да! – раздраженно признался я сам себе.

– Ну вот, а ей нравится этот велосипедист так же, как тебе нравится она. Неужели не понимаешь?

Тут в голове у меня прояснилось, бабочки в животе ожили, и стало абсолютно индифферентно. Просто пофигу.

– Я всё понял! – ответил я куче дров, потому как воображаемый собеседник куда-то исчез.

Пространство распорядилось так, что я, к своему удивлению, сдружился с Марусиным велосипедистом. Он оказался весёленьким с весёленькими велосипедными историями и даже раскрыл тайну, почему велосипедисты пьют пиво – более качественное утоление жажды, восстановление солевого баланса, меньше потеешь. Он поучил меня стучать в барабан, а я его дуть в блокфлейту. А на следующий день он

уехал.

Утром меня ждало два сюрприза: Миша накормил меня сушеными шляпками красных мухоморов, а потом я увидел своё имя на доске объявлений в листе подготовки к «Фулмуну». Который, оказывается, прямо сегодня! Там было написано: «Сева – грибы».

– Сева! – услышал я сзади голос Маруси.

– А? – поворачиваюсь я к ней, – тут в объявлении сказано, что я ответственный гриб!

– Ты ответственный за грибы. Ты, вроде, тут ходил-хвастался, что знаешь супер-секретный рецепт грибов? Мы взяли несколько килограмм шампиньонов, так что давай – удиви нас.

– Полная свобода грибных действий?

– Ха-ха, полная!

Я достал из кармана половинку оставшейся мухоморной шляпки и съел. Какая же вкуснятина! Но не превратит ли она меня неожиданно в берсеркера? Тогда я смогу всю первородную природную ярость обратить в brutальную бескомпромиссную кулинарию и приготовить величайшие шампиньоны, какие только знала земля славного Тверского Подмосковья! Жалко, правда, что мухоморы чего-то не подействовали...

Для секретного рецепта идеальных грибов я использовал почти всё возможное, что было в наличии. Сперва надо было сделать brutальный маринад: в ход пошли два литра то-

матного сока, бульон, оставшийся после варки соевого мяса, рассол, оставшийся после огурцов, соевый соус – весь, что остался, перец зелёный и морковь тёртая. К шампиньонам лесные энтузиасты добавили белых, сыроежек и подберёзовиков. Потом вся эта грибная разнопёрственность, весело булькая в безукоризненно брутальном маринаде на костре в огромном казане, задала хороший темп и остальным лесным поварьям. Правда, профессиональный повар Руслан заявил мне, что так не делается:

– Надо было их окунуть в эту смесь и на решётку сразу жарить.

Аха-ха! Даже профессиональный повар не может постигнуть всё величие моего маринада! Когда грибы приготовились и немного настоялись, я закинул конскую дозу приправ и с трудом удержался, чтобы самому не сожрать весь казан.

Так же в меню, помимо грибов и соевого мяса, был рис, овощной салат, были баклажаны с сыром и чесноком – неожиданный кулинарный шедевр. Яств было много и всё было вкусное. Но ближе к вечеру встал вопрос о праздничном напитке. Ребята начали готовить какао, но немного не рассчитали с пропорциями, и пока оно было водянистым и невкусным. Мы начали всех присутствующих на кухне и проходящих мимо неё агитировать нести из своих закровов какао, молоко или сгущёнку. И вскоре водянистое и невкусное какао обрело достойную текстуру и стало вкусным. Но всё равно чего-то не хватало. Это заявил я, и это понимали

все. Тут кто-то из толпы крикнул:

– А давайте туда грудного молока добавим!

Это предложение приняли громогласно-положительно и единодушно. И грудное молоко даже искать не пришлось: к костру вышла прекрасная Настя, достала одну из своих великолепнейших остроносых грудей и принялась её усиленно давить над котлом.

– Вот-вот, сейчас! Блин, не идёт... Сейчас... Во! Кто-нибудь – ложку подставьте!

Я хватаю ложку и ловлю ей драгоценную каплю млечной благодати, и тут же, не теряя ни секунды, замешиваю её в общий котёл. Пробую.

– Теперь какао идеальное! – и просто тону в гвалте криков, смеха и ... барабанов!

Трапезой были довольны все, ну или почти все, за исключением немногих придир на Кругу. Правда, некоторые после точного объявления состава какао пить его не стали.

– В составе какао: какао десяти видов, сахар, молоко, сгущёнка разная и капля грудного молока прекрасной девушки!

На Кругу раздались и ободряющие и неободряющие крики и возгласы:

– Мне можно двойную порцию?

– Вы больные!

– Вы жжете!

– Я пас!

– А что за девушка?

За свои экспериментальные грибы, не одобренные профессиональным поваром, я получил множественные респекты от непрофессиональных едоков. А потом было зрелищное фаер-шоу под полиритмичное мракобесие множества барабанов. Но когда огненные шары крутила какая-нибудь девушка, то брутальное фаер-шоу сразу превращалось в сексуальное фаер-шоу, расшвыривая неистовые кучи феромонов во всех направлениях. Огонь плюс топлесс! Фаер-шоу потихоньку переросло в джем, в котором я с удовольствием участвовал. И Миша тоже.

– Ну что, давай тогда «нашу»? – говорил Миша перед любой песней или импровизацией мне.

А джем плавно перерос в акустический концерт Марьиванны. Я сам не заметил, как оказался на марусиной пенке в объятиях Маруси. Огонь, звёзды, ночная летняя прохлада, притягательный лесной вайб Маруси и добренькие около-рэггиевые песни Марьиванны сделали своё дело: Маруся полезла целоваться, а я не стал сопротивляться.

– *Я пойду гулять по свету! Я люблю свою планету!* – песенка Марьиванны, как влитая, вписывается хиппиевскую развязную атмосферу любви и медитативной оживлённости.

– *Можно всё, но всё не нужно! Чай в обед, компот на ужин!* – многие люди на Кругу знают её песни и с удовольствием ей подпевают.

В какой-то момент, даже в объятиях Маруси становится немного прохладно, и я отхожу к своему лагерю чего-нибудь

на себя надеть. Встречаю Мишу.

– Ну чего? – спрашивает он.

– Кажется, ещё чуть-чуть и у меня с Марусей начнётся секс! Я боюсь, – честно признался я своему незаменимому лабораторному напарнику. И бояться тут было чего: я представил обширные и успешные сексуальные опыты Маруси, потом поставил рядом свои малочисленные и неприкольные и понял, что велика вероятность прибавления к ним ещё одного.

– Да ладно, ты же мужик! Ууу! – и Миша гортанно зарычал, чтобы меня подбодрить.

– Да, я же мужик, ууу! – я тоже зарычал, только вот это нихрена не помогло.

Мне ничего не оставалось делать, как вернуться к Марусе и продолжить её целовать. Как ни странно, все эти романтические нежности помогли мне принять неизбежное, и я наконец сказал:

– Ну чего, пойдём ко мне в палатку?

– Серьёзно? У меня сейчас «эти дни»...

– Месячные в полнолуние? Ты что, ведьма?

– А ты как думал...

Я представил свой член, весь в её крови, бабочки в животе сморщились, и решив, что это просто идеальный поворот событий, я сказал:

– Ну, тогда точно не надо.

Народу вокруг костра становилось всё меньше, предрас-

светлая прохлада становилась всё явственнее, а костёр всё скромнее; ночь уже готова была уступить место новому утру. А я всё сидел и молча обнимал Марусю. Вдруг перед глазами нарисовалась очень карикатурная картинка: некто хиппи-об-разный мужского пола наклонился раздуть тлеющие угольки, и верхняя часть его задницы неизбежно вылезла из-под джинсовых бриджей. Мне это сразу напомнило одну серию мультика «Доктор Кац», где пациент рассказывает психологу про то, как они с женой сразу решили, что их сын сразу будет сантехником, и стали специально приспускать ему памперс, чтобы была видна верхняя часть попки, и он сразу привык к особенностям профессии. Это была первая капля: я вывалился из объятий Маруси и начал истерично хохотать. Затем последовала вторая капля: «Три часа ночи, люди спать пытаются! Так, чья мумия»? – из мультика «Aqua teen hunger force». Ну и третья капля: «Пока, слюнтяи! Ка-арrrrrr»! – кричит, сидя на ветке дерева, обожравшийся грибов Дейл Гриббл из мультика «Царь горы». Я начинаю валиться по земле и неистово ржать, задыхаясь и пуская соплевые пузыри. Не могу остановиться минут пять. Все оставшиеся люди на Кругу отрываются от своих романтических активностей и удивлённо смотрят на меня, не говоря уже о Маруси. Отличное завершение праздника полнолуния!

– Ты чего? – удивляется Маруся.

– Утренние мухоморы наконец-то подействовали... – измотанный хохотом отвечаю я.

Утром Маруся собиралась отчаливать обратно в Вавилон, и я просто не мог себе позволить попрощаться с ней как-то без шуток юмора:

– Ну, увидимся в лесу... – и обнимаю её.

– Ага... – и Маруся обнимает меня.

– Только не забудь меня внести в свой лесной секс-ежедневник!

– Аха-ха! Так и запишу: «Секс с Севой в лесу»!

– Ха-ха!

– Хы!

У меня с собой был набор походных шахмат на магнитной доске, и я предложил Мише зарубиться в них. Пару дней назад, выиграв пару раз у не слишком искушённых игроков, я выработал, как мне показалось, отличную тактику: переть вперёд напролом, внимательно расставляя защиту, а когда ходит оппонент – всячески отвлекать его стрёмными боевыми танцами и горловым пением, используя каждую из его допущенных ошибок. С Мишей такая фигня не сработала – Миша оказался стратегом и легко меня победил! Хотя и потерял большую часть фигур. За нашей зарубой наблюдала дочка одного из престарелых хиппеев, которую звали Вася. В то утро она бегала около общего Круга и весело разрисовывала людей хной. Разрисованным оказался и я:

– Давай я тебя хной разрисую! – весело подскочила ко мне

Вася, всюду сияя только что проклюнувшимися коренными зубами.

– Давай! А что?

– А что ты хочешь?

Был мой ход. Сложив и обработав у себя в уме возможные варианты действий, я шумно втянул ноздрями воздух, предвкушая брутальный шах Мише, который я поставлю ему буквой «Г».

– Нарисуй на мне... Коня!

Особо не зная, чем себя ещё таким интересным занять, около своего лагеря я вдруг встретил свою недавнюю дредастую мухоморную фею. И снова голенькую. От неё веяло каким-то бескомпромиссным сексуальным раздолбайством, коему я всецело и бесповоротно поддался.

– Эй, а ты чего это одетый? А ну, раздевайся давай! – с наигранным осуждением выпалила она.

Я быстро разделся и стал с неприкрытым интересом глядеть на неё, а она на меня.

– Помассажимся? – спросила она так невинно, словно во все и не собиралась сейчас меня разводить на секс.

– Залезай, – я расстёгиваю палатку и приглашаю её внутрь.

Массаж, в обычном понимании, конечно же там не происходит: мы почти сразу же начали обниматься и лапать друг друга, потом пошли поцелуйчики и томные вздохи, а когда я уже был готов положить своё «дилли-дилли» в её «чачу-ча-

чу», чтобы активировать код доступа к «шпили-вилли», то моя мухоморная фея собралась с мыслями и серьёзно сказала:

– Презерватив надень!

– У меня нет, – честно признался я, неподдельно удивившись, зачем эти вавилонские колпаки нужны тут – в свободном от грязи и предрассудков чудотворном пространстве.

– Тогда побежали ко мне, у меня есть! – и она, дёрнув меня за член, выкувырнулась наружу, и резко дав по газам, задала лихого стрекача через заросли и ёлки.

Пару секунд я смотрел ей вслед, а потом, в чём мать родила, пустился за ней вдогонку, со стояком наперевес через заросли, ёлки, палатки, людей, жуков, лагеря, костры, поле...

– Эй, пойдёшь с нами за дровами? – окликнул летящего на крыльях страсти меня Тео.

– Ты чего, не видишь?! Я трахаться бегу!

Фуух... добежал! А «фея» уже сидит хихикает в палатке. Запрыгиваю на неё, в варварском неистовстве рву два презерватива подряд при попытке их натянуть, а когда долгожданный процесс благополучно начался, она вдруг начинает болтать. Причём какую-то фигню:

– А ты пробовал в попку?

– Куда?

– Не знаешь, кто тут делает куни?

– Э...

– У тебя есть «ду-ду»?

конечным величием: «Форма – это пустота, а пустота – это форма... Вобрав достаточное количество форм, ты начинаешь видеть путь, как пустоту, а пустоту, как путь...».

– Кажется, многовато я зарядил, – утробным голосом комментирует пустоту незнакомый пацан.

Я снова попытался свалить от своей «феи», и в этот раз у меня получилось, не смотря на то, что это была моя самая медленная прогулка во всей моей жизни. Уже около своей палатки, я услышал крик, доносящийся со стороны стоянки «Глушь»:

– Сева! Чайку давай!

– Извините, я укуренный и голый, – ответил я высокой расплывчатой фигуре Владислава.

– Ну, мы все рождаемся голыми, – со смехом ответил он, – заходи!

Мы пили ароматный улун в огромном зелёном типи и обсуждали то, как набивка кулаков негативно влияет на микромоторику пальцев, и я словно со стороны наблюдал, как мысли рождаются где-то чуть выше от головы справа, потом втекают в голову в виде слов, а во рту уже становятся звуками.

– Сева! Ты где?! – услышал я доносящийся со стороны своего лагеря голос «мухоморной феи».

– Блин...

– Кажется, тебя ищут, – Слава весело улыбнулся.

Дредастая «мухоморная» через несколько мгновений то-

же уже сидела в типи и вовсю развлекала Славу:

– Слава, а у тебя есть «ду-ду»? – медленно хлопая большими красными глазёнками, задорно поинтересовалась она.

– Нет, «ду-ду» у меня нет, – с трудом сдерживая смех, вежливо отвечал Слава.

– Сева! Пойдём в магазин! – и «мухоморная» хватает меня за руку.

– Пойдём! – вдруг соглашаюсь я, так как глазёнки у меня тоже всё ещё были большущие и красные.

Гулять голым и укуренным по лесу в компании голой и укуренной дредастой красоти – просто непередаваемо многогранно! Когда тебе одновременно интересны и муравьи и сиськи; когда краски ярче, а некоторые вообще в новинку; когда дредастая «мухоморная фея» тебя неожиданно целует и, хихикая, убегает, а ты, хихикая, бежишь за ней; когда пение птиц не просто приятно, а потрясающе; когда прохладный ветерок и травка задорно щекочут забалдевшие бубенцы...

– Прячемся! Машина едет! – вдруг вернул меня с небес не сильно отдалённый гул цивилизации.

– Мы уже рядом с деревней! Надо одеваться! – дредастую тоже вернуло.

И вот мы идём уже одетые по лесной проезжей дороге, удивлённо рассматриваем друг друга. Какое же странное изобретение эта одежда! В ней человек просто совершенно другое существо! Но на дредастой вообще хорошо смотре-

лись фиолетовые бриджи и белая пятнистая майка. Сразу хотелось её раздеть.

– Как думаешь, местные догадаются, что мы укуренные? – спросила она с такой надеждой в глазах, словно бы хотела попасться.

– Ну, не знаю...

И через несколько мгновений мы, как по заказу, натываемся на двух местных, выгуливающих симпатичную собачонку.

– Ой, а можно погладить? – дредастая была просто очарована.

– Можно, конечно, – ответила ей пока ничего не подозревающая женщина средних лет.

Дредастая, просто вся сияя от счастья, принялась вовсю гладить отзывчивого на ласку пёсика и вовсю сюсюкаться с ним. А я стоял и молча смотрел. Много мыслей тогда пронеслось в моей голове. Что сейчас делает Миша? А чего-нибудь приготовят пожрать? А как эту дредастую вообще зовут? Что если один сыграет в блюзовом до миноре, а другой в цыганском? Сколько мне прибавиться очков здоровья от того, что уже больше недели не надевал обуви? Хочу мороженого... И печенья...

Тут вдруг я понимаю, что за этими мыслями прошло несколько минут, может десять. А дредастая как гладила собаку – так всё и гладит. Перевожу взгляд на местную пару: женщина тревожно смотрит на мужчину, а тот вопроситель-

но то на меня, то на дредастую.

– Слышь, дредастая, – я оттягиваю её от собаки и тихонько увожу в сторонку, – кажется, они догадались, что мы укуранные.

Наверное, целый километр мы идём и глупо хихикаем. Почти непрерывно. На момент успокоимся, а потом как вспомним лица хозяев пёсика, и давай опять. Когда большая часть «хи-хи-хишек» была благополучно вытащена из организма, у меня с языка, как сам, вдруг сорвался интересный вопрос:

– Слушай, а как же ты так легко согласилась на секс? Ты ничего обо мне не знаешь, мы не успели толком пообщаться. Ты даже не знаешь, как меня зовут.

– Так ты тоже! Не знаешь, как меня зовут, и ничего обо мне тоже не знаешь. И тебе это не помешало, – получил я не менее интересный ответ.

Но, получается, она знала, как меня зовут. А я почему-то был уверен, что нет. Тут у неё зазвонил телефон. Это была её мать. Появилась догадка, откуда выросла сексуальная безалаберность дредастой. Весь разговор мать её всячески чморила и унижала, порой казалось, что даже на ровном месте. А дредастой только и оставалось, что держать себя в руках:

– Почему ты так грубо разговариваешь со мной? Ты сейчас назвала меня тупой? Какой повод я тебе дала? Да ты даже не пытаешься меня выслушать! – кое-как пыталась сохранить лицо она.

В магазине дредастая выдаёт экспрессивный монолог по поводу того, как она сожалеет, что закончились презервативы, вгоняя продавщицу просто в пурпурную краску, а на выходе мы встречаем немного пьяненькую Саню с Маянским календарём. Дредастая переключает своё внимание на неё, а я на большую часть пути до Радуги остаюсь предоставленным самому себе и с удовольствием смакую остатки укурённости, в полуха слушая их диалог про интимное бритьё.

Около общей кухни встречаю Мишу. Только хочу ему похвастаться про свои конопляные и эротические приключения, как слышу женский крик:

– Сева!

Смутно знакомая девушка подбегает ко мне и обнимает меня. Чего делать – обнимаю её.

– Сева, накури меня! – видно учуяв от моих волос знакомый аромат просит она.

– У меня нет.

– Ну и ладно.

– Переспим? – предлагаю я после затянувшейся неловкой паузы, всё ещё находясь в её крепких объятиях.

– Не, я замужем, – обламывает меня она.

В поле зрения появляются двое знакомых голых людей: дредастая, с которой я провёл почти весь день, и мужчина средних лет, который активно выступал против Сатанизма на Радуге. Дредастая подходит ко мне, обнимает, целует и произносит беззаботно улыбнувшись:

– Ну, пока!

Потом обнимает и целует этого противника Сатанизма и игриво спрашивает:

– У тебя есть «ду-ду»?

– Ну, если ты будешь хорошей девочкой, то может и есть,
– наигранно отвечает ей анти-сатанист, хватая дредастую за жопку. И они, обнявшись и хихикая, уходят.

Внутри становится и тоскливо, и одиноко, и ... брезгливо?
Поворачиваюсь к Мише, говорю:

– Ой, Миша... Грёбанный фрилав...

– Ага, ни говори, – отвечает он, – у меня тут за две недели было отношений больше, чем за всю жизнь.

С утра на Кругу Миша предложил интересную идею для джема: каждый участник берёт инструмент, на котором он не умеет играть, и все вместе пытаются создать идеальную музыкальную какофонию. Собралось несколько человек: я с банджо Миша с саксофоном, Снежный Человек с гитарой, Настя с блокфлейтой, Нияда с бубном, кто-то ещё с барабаном и синеволосая Вика с укулеле. В ходе хаотичного обмена инструментами мне достаётся бубен с колотушкой, а Миша не нашёл, что взять и прокомментировал это так:

– Да я тут на всём умею играть, – и с пренебрежением взглянул на моё банджо в руках Снежного Человека.

Ага, умеет! То, что я показал ему три блатных банджовых

аккорда, конечно же, сразу сделало его практикующим банджистом! Тут у меня возникла прикольная идея: часто улавливая, как Миша хреново пел, и учитывая то, что он – музыкант опытный, и уж точно отдаёт себе отчёт о своём пении, я со смехом ему предложил:

– Так ты ж петь не умеешь – давай тогда пой!

И тут он неподдельно обиделся. На лице явно отобразилась уязвлённая гордость. А может и поддельно обиделся – актёр-то он хороший. В любом случае, мне внутри стало как-то нехорошо, и весь экспериментальный джем я стучал в бубен довольно вяло, особо не стараясь вникнуть в эту музыкальную кучу-малу. Но петь Миша, тем не менее, не стал.

Чтобы отвязаться от навязчивых мыслей я даже пошёл искупаться в реке, а потом долго сидел и думал на берегу. Ну и что, что я сказал то, что думаю? Неудачно пошутил? Но все разы, которые я застал, Миша пел плохо. Никакой экспрессии, никакой подачи. Но ведь солист «Gorillaz» тоже не особо экспрессивный. Значит, плохо поёт? Нет. Значит, надо извиниться перед Мишей.

Нахожу его, извиняюсь. Раскладываю ему всё так, как разложил у себя в голове на берегу. Он молча слушает, а потом говорит:

– Да ладно, ты чего? Всё нормально.

Так как заняться было особо нечем, а день только начинался, то я, повинаясь непонятным внутренним импульсам, решил отправиться в лес за мухоморами. Пошёл босиком в

шортах, взял только компас, нож и платок, сшитый из двух бандан. Ходил долго, наугад, вообще не следя за направлением. Сначала красные шляпки появлялись передо мной редко, но стоило мне сосредоточиться, замедлиться и начать петь низким горловым пением, так мухоморы стали высываться настолько часто, что уже довольно скоро я набрал столько шляпок, сколько вообще мог унести в платке.

С горем пополам найдя выход из мухоморной чащи, недалеко от Радужного «Вэлкома» я наткнулся на Мишу в окружении всяких хиппи-образных. Он был одет в нелепые обтягивающие лосины и ещё более нелепую блузку с кружевами. И я не преминул ему об этом сказать:

– Ну и нелепо ты выглядишь!

Тут, к моему удивлению, Миша опять весь из себя обиделся, а его окружение мгновенно встало на его защиту:

– Ну ты чего вообще?! Отлично выглядит! Миша – не слушай его!

Сначала я вообще не воспринял происходящее всерьёз, так как был воодушевлён мухоморами, и в обычной несерьёзной манере продолжил:

– Коллега, у нас просто куча новых образцов для исследований, – и я раскрыл перед ним платок, хвастаясь своим грибным уловом.

– Ага, прикольно. Что делать с ними будешь? – не став отыгрывать лабораторного коллегу, поинтересовался Миша вообще без тени интереса в голосе.

Я ответил, что засушу на костре и пошёл в сторону своего лагеря, где тут же попал в поле зрения Славы и был незамедлительно приглашён в типуху на чаёк. За чаем я, конечно же, похвастался своей медитативной прогулкой за мухоморами. Слава задумчиво прокомментировал:

– Мухомор – это шаманский гриб, просто так они, кому попало, не открываются...

Поскольку Слава уже не один десяток лет ездил по Радугам и производил впечатление мудрого человека, я решил поделиться с ним терзавшими меня внутренними наблюдениями:

– Странно, сегодня Мишу два раза обидел случайно. Как на автопилоте говорил то, что не хотел. Ну или хотел, но лучше не стоило, но как-то само сказалось.

– Такое бывает, когда недостаточно поощряешь своё любопытство или медлишь в приобретении нового желаемого опыта. Китайцы говорят, что твоя внутренняя обезьяна начинает брыкаться, и эти взбрыкивания как раз могут выражаться в таких, как ты говоришь, «автопилотных» действиях и словах. Обезьяны – они же любопытные.

– Ну, самое время, значит, задобрить свою внутреннюю обезьяну мухоморным компотиком!

– Ты их варить собираешься?

– Ну, сначала их точно засушить надо.

– На костре сушить будешь?

– Да, только вот надо бы его камнями обложить и сушить

прямо на них. Только где такие хорошие камни найти?

– Тут на отдалённом пляже выше по течению есть хорошие камни. Можем прогуляться.

Мы пошли на пляж, и Слава помог мне откопать и достать камни. Не теряя времени, я вернулся к своему лагерю, вооружился лопатой и сделал прекрасный мухоморно-сушильный очаг, натаскал дров – столько, сколько бы хватило на несколько часов небольшого непрерывного огня. Довольно много.

Обронив случайный взгляд на «Глушь», вижу, как из тупухи Славы вдруг высовывается Миша. Машет рукой и зовёт меня внутрь. Присоединяюсь к их чаепитию. Миша сидит и всю хвалит меня перед Славой. Подозрительно всю:

– Сева, слышали, как на банджо круто играет? Поёт круто! А ещё, когда я у него в гостях был, он меня на гвоздях поставил стоять! Вообще brutalный!

Слава накуривает нас обоих своей волшебной трубкой мира. Прикольно – как будто я Мишу вовсе сегодня не обижал, а он вовсе и не обижался.

– Ух ты! Так это же ведьминский круг! – прокомменти-ровала мои аккуратно сложенные вокруг костра на камнях мухоморные шляпки только что прибывшая незнакомая девушка.

Пока я неторопливо и уединённо жёг мухоморно-сушиль-

ный костёр, мне пришла в голову мысль: раз есть костёр, значит кто-то придёт, а если кто-то придёт, то надо будет напоить пришедших чаем. Так, вернувшись к огню с котелком и заваркой, я застал у него двух новоиспечённых соседей – парня и девушку. Весёлая парочка: девушка в первый раз на Радуге, а парень вообще первый раз в лесу с палаткой. Поэтому без приколов не обошлось.

– Кто у вас тут на Радуге главный? – задаёт в самой своей сути некорректный вопрос девушка.

– Эээ... главный? Вы точно на Радугу приехали? Тут каждый главный в том, что он в данный момент делает.

– А где ты дрова нашёл? – осматривая внушительную кучу палок рядом с костром, спрашивает парень.

– Эээ... тут, на земле. Там – в лесу.

– Да?... – парень удивлённо оглядел абсолютно «бездровное» пространство вокруг себя, – а можно у тебя дров взять одолжить попользоваться?

– Ну... попользуйся.

Смешно. Как же он мне их вернёт, если они сгорят? Или как ещё он собрался ими пользоваться? С такими соседями внутренняя мартышка так и не сможет обрести покой.

Парочка мирно засопела в палатке, поставленной в нескольких метрах от очага-сушилки. Ночь уже, казалось, давно накрыла своим бархатным полотном этот уютный мирок, а я всё сушил, жёг, сушил и жёг.

Ко мне периодически присоединялись Радужные челове-

ки на чаёк, полюбоваться «ведьминским кругом» и поболтать. Заходила Маянская Саня – меня чего-то понесло вовсю критиковать христианство и Ветхий Завет в частности. Саня слушала и хихикала. Пришёл Слава, заварил чаёк и рассказал про свой грибной трип на одной из Радуг. Приходил Миша. Немного полюбовался на огонёк и грибочки, немного подудел в саксофон, а потом убежал на звуки хихикающих девушек куда-то в темноту.

Когда шляпки дошли до консистенции сушёных чипсов, я потушил свой костёр и отправился на вечер сказок к общему костру. Нияда здорово придумала – она сделала вечер сказок интерактивным. Слушатели сказки участвовали в её повествовании, добавляя всякие фоновые звуки от себя. Например, когда Нияда говорила что-то типа: «И вот он пришёл ночью на пляж», – слушатели начинали изображать, кто как и кто чем, шуршание песка и гальки, шум ветра и волн, крики чаек. В какие-то отдельные моменты мы даже вместе музицировали. Одна из сказок закончилась вообще брутально: «Я отказался от своего тела и своей души, чтобы стать ничем»! Тут я вовсю оторвался, сыграв на банджо, как нельзя кстати подходящую, зарисовку из своей композиции: «Из хаоса в...».

Весь следующий день я в основном выискивал мухоморных мастеров и выводывал всяческие рецепты. В конце концов, я остановился на том, что возьму два литра не сильно горячей воды, кину в неё пятнадцать шляпок и буду два ча-

са настаивать. Пока я кипятил воду, вдруг вспомнил замечательную песню – «Реггей подмосковных лесов» своего старого приятеля, напев которую, я вдруг понял, что точно надо сделать с мухоморами:

«И за окном вагона

Ты услышишь ветер, он поёт

Это грустное регги

Подмосковных лесов

Мухоморы и хвоя заварены в чай

Наше лето уходит, запирает засов

И последней надеждой Джа Растафарай...». (с)

Точно! Я сделаю пуэр с мухоморами и хвоей!

И я принялся с энтузиазмом рвать свежие иголки с ближайших сосен и ёлок, продолжая напевать строчки этой потрясающе атмосферной песни:

«Мухоморы и хвоя – ядрёная смесь

Наше лето уходит, а мы останемся здесь...». (с)

Когда эта «ядрёная смесь» уже как час стояла настаивалась, я отправился искать дредастого Гошу и Мишу, чтобы позвать их на дегустацию этой «ядрёной смеси». Миша сначала был не очень уверен, что будет её пробовать, и сомневался, стоит ли мне. Но когда я спросил его:

– Ты готов умереть? – сурово посмотрев ему в глаза, он сказал, что готов, и уговаривать его присоединиться не пришлось.

Гоша пришёл со своей короткостриженной подругой. Я

заглянул в типуху «Глушь», чтобы позвать Славу:

– Здравсте! Заходите на мухоморный чай!

Но у Славы были гости в лице жены, дочки и симпатичной рыжей женщины, и он вежливо отказался:

– Хорошего вам трипа! – пожелал он.

К нашему мухоморному огоньку присоединилась и вчерашняя «прикольная парочка», так как у них лагерь был прямо совсем рядом. Я разлил «ядрёную смесь» всем по кружкам, и мы начали пить. Получилось, на мой субъективный взгляд, очень вкусно, и за первой кружкой последовала вторая, и третья, и четвёртая. Другие моего энтузиазма особо не разделили.

Несколько раз от грибных мастеров я слышал, что мухоморы сами знают, что с тобой нужно сделать, как именно на тебя воздействовать. В ту ночь они, пусть и на достаточно короткий период времени, показали, каким спокойным и незамутнённым может быть сознание и восприятие, если отключить все негативные программы в голове. Это было глубочайшее восприятие момента. Абсолютный покой и блаженство. Я лежал под раскидистыми соснами, смотрел в ночное небо и просто был счастлив. Через несколько минут, я, всё ещё счастливый, повернулся к ребятам и спросил:

– Ну как?

– Никак.

– Вообще чего-то не взяло...

– И меня.

– И меня.

– Я немножко почувствовал, – ответил дредастый Гоша и начал очень эмоционально рассуждать о четвёртом, пятом и шестом измерениях. Потом протянул мне губную гармошку и спросил:

– Слушай, а чего с ней не так? Ты же вроде хорошо играешь. Может, это я как-то не так дую?

Я взял у него гармошку, попробовал поиграть – кошмар. Инструмент оказался настолько неотзывчивый, что я чуть не сломал себе лёгкие пополам.

– Нет, Гоша, ты тут ни при чём...

Как это всегда бывает – всему приходит конец. Это был мой последний день на Радуге, и я от него ничего не ждал. Грустно поглядывал на свой лагерь, ставший мне Домом, где не было ничего лишнего, ведь всё было принесено на своей спине. С утра разговорился с Яной из Ярославля и в который раз убедился насколько тесен мир.

– Ммм... Ярославль? Ну, я был как-то раз рядом – в Рыбинске. Пьянствовал там с местными рэп-корщиками.

– «Район 5-0»?

– Да, точно! «Район 5-0»! А ты откуда знаешь?

– Да их там все знают.

Встретил Славу с вязанкой дров за спиной. Он поинтересовался:

– Ну как вчера грибной чаёк?

– Очень странно... Пили все, а накрыло только меня.

– Чего ж тут странного? Ты их собирал, ты сушил, ты заварил, тебя и накрыло.

– Хм...

– Мухоморы кому попало просто так не открываются. Это шаманский гриб!

Парня, который жестко накурил нас с дредастой «мухоморной феей», укусила змея. Гадюка. Два раза в руку. Его рука сильно опухла и выглядела гротескно и стрёмно. Я в ужасе побежал на общий Круг сообщить о произошедшем. К счастью, нашёлся и укол «Дексаметазона», и нашлись знатоки, которые посоветовали ему много пить, много писать и мало двигаться. Как оказалось, паренёк по совету своего не особо умного отчима попытался поймать змею. Два раза. И был ею укушен. Оба.

На протяжении всего моего пребывания на Радуге, я часто наблюдал, как Петро с какой-то отдалённой помойки вместе с Тюней таскает кирпичи в каких-то огромных количествах. Выяснилось, что Петро построил у себя в лагере печь для обжига глиняных фигурок, и под своё отбытие в Вавилон решил напечь пирогов и много кого на них позвал, в том числе и меня. Я с удовольствием объелся пирогов с лимонным вареньем, не переставая удивляться его креативности и рукастости.

Около своего лагеря встретил вчерашнюю рыжую гостью

Славы. Голенькую и весёленькую.

– Как ты вчера смешно зашёл и пригласил на мухоморы! Ой, я не могу! – и стоит смеётся.

А я стою и разглядываю её красивое стройное тело, забываю о своей мечте об идеальной толстушке и начинаю чувствовать к ней такое... человеческое влечение. Рыженькая перестаёт смеяться и начинает пронзительно смотреть мне в глаза таким заправским ведьминским взглядом, словно пытается увидеть меня насквозь, прочитать мысли, загипнотизировать. Но я не теряюсь – быстро снимаю с себя всю одежду, подхожу и обнимаю её. Она в ответ обнимает меня. Ну и нормально. Вроде подружились.

На общей кухне Вава меня накуривает, я попадаю в лагерь Марьиванны и играю ей свои песенки. Ей и ещё несколькими немногочисленными слушателям. Когда песенки кончаются, наступает вечер. И начинается что-то странное. Со стороны лагеря Марьиванны не очень видно и слышно, но около общей кухни происходит какая-то движуха.

Мы подходим поближе, и что же мы видим и слышим? Толпа хиппеев невпопад орёт: «Толя умер! Толя умер! Толя умер»! Несколько барабанщиков устроили настоящий полиритмический хаос, и голые девки танцуют вокруг надгробья из фанеры, на котором написано: «Толя R.I.P.» – и даты проведения этой Радуги.

– Что такое это? Какой Толя? – тупо удивляюсь я.

– Толя – это толерантность к веществам, – объясняет мне

кто-то из толпы.

– Каким? Что?

– На этой Радуге столько травы было, сколько редко где бывало.

– Блин, точно...

– Ты тоже, да?

– Да почти каждый день...

Тут происходит нечто крайне странное. Только что вылезший из реки дядька, явно не из наших – деревенский, подходит к «надгробию» со словами: «Вы что?! Это моё! Я его из дома принёс»! – забирает его и уплывает с ним на другой берег. Поляна просто взрывается от истерического хохота людей наблюдавших сей «сюр». Модест ходит и плачет, между приступами смеха комментируя: «Ааа! Это войдёт в историю! Войдёт в историю»!

Когда истерика немного утихает, мне ничего не остаётся, как исполнить песню, как никогда подходящую под ситуацию: Децл – «Легалайз». Ко мне присоединяется Миша с саксофоном и Вава с барабаном, и мы укуренными даём жару тоже укуренной неистовствующей в позитивных вайбах, толпе.

Поздний вечер. Жжём костёр у меня в лагере – я, Миша, Гоша, укушенный змеей парень и рыженькая стройняшка из типухи Славы. Пьём чаёк. Делаю рыжей стройняшке массаж спины, плеч. Она сидит полураздетая, на её небольших остреньких грудях пляшут тени от огня. Иногда мои прикосно-

вения переходят грань приличных массажных прикосновений, становясь вполне себе интимными, но она словно этого и ждёт. Мимоходом рассказывает, как на Радуге 1993 года хиппей разгоняли спецназом и вертолётами. И она застала это всё уже в сознательном возрасте. Так, сколько ж ей лет? Да какая разница? Она симпатичная и к ней тянет.

Миша отлично подобрал тайминг, чтобы я мог очаровать даму песней. Своих песен про любовь у меня не было, поэтому решил исполнить “Аддис Абеба” – «Лето», хотя там про любовь и не напрямую, но под Радужную атмосферу очень здорово подходит.

– Только давайте тихонько, на соседней стоянке уже дети спят, – предупреждаю я ребят.

Миша тихонько, насколько это возможно, подыграл на саксофоне, а Гоша на барабане. Рыженькой понравилось. Да и я, кажется, понравился. Когда последние оранжевые лепестки подустали от своих динамичных танцев и, нежно обняв красноватые угольки, погрузили нас в полумрак, новые костры разожглись уже прямо в сердцах, растворившись в магии звёздного неба и приятных прикосновений леса. Ребята разошлись кто куда, а рыженькая стройняшка взяла меня за руку и повела в типуху «Глушь».

– Завтра давай вместе поедem, – улыбнулась мне она.

В типухе никого не было. Она расстелила всякие шкуры и одеяла и уложила меня на них. Сняла майку с меня, а потом с себя и легла на меня сверху, крепко обняв, и соблазнительно

засопела мне в ухо. Вот это да! Столько целенаправленной нежности в свой адрес я, кажется, не испытывал никогда.

– Похоже, что у нас будет тантрический ссс... сон! – попытался пошутить я.

Рыженькая сдержанно хихикнула, а потом принялась всю целовать меня. Ну а я, само собой, её. Сказать, что это было атмосферно – значит ничего не сказать. Но это было атмосферно: за две недели на Радуге, я словно прожил несколько человеческих жизней – да что там человеческих! Я был лесом, я был супом, я был порванной струной и грибом. Я был звуком по самый си-бемоль, я был рекой, я был пилой, я был конём, я был убитой осой. Я был голыми пятками, я был предрассветной птичкой, я был дымом и запрещённой рыбной продукцией. А сейчас я страсть, пытающаяся осознать саму себя.

Что же дальше? Нарру end – явление временное, но в этой истории он есть и будет всегда. Рассыпаться в подробностях было бы не по-джентельменски, но одно могу сказать точно: секс может вылечить девушку при первых симптомах простуды. Проверено.

С Благодарностью всем, кто участвовал в этой лесной сверхдействительности, странствовал в беспредельном и всепоглощающе проживал моменты. Увидимся Дома! Увидимся в лесу!

Стр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.